

С. Рагзиевская

Софья Борисовна Радзиевская

Болотные робинзоны

«LT Net» 2006

*С. Радзиевская. Избранное.: Татарское книжное
издательство; Казань; 1972*

Аннотация

В ней читатель узнает, что произошло в деревне Малинке во время Отечественной войны («Болотные робинзоны»).

Герои С. Радзиевской подкупают смелостью, мужеством; всех их объединяет глубокая вера в человека, в его лучшие душевные качества.

Повесть написана живо и увлекательно. Автор хорошо знает природу, жизнь птиц и зверей и своими наблюдениями делится с юным читателем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	28
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	86
Глава 9	95
Глава 10	108
Глава 11	114
Глава 12	126
Глава 13	145
Глава 14	152
Глава 15	157
Глава 16	165

С.Радзиевская. Болотные робинзоны

**Софья Борисовна
Радзиевская**

БОЛОТНЫЕ РОБИНЗОНЫ

**Глава 1
ДЕД НИКИТА**

Лес вокруг Малинки был очень старый и такой

густой, что сколько его ни рубили, он по-прежнему окружал деревушку плотной стеной. Казалось, вот-вот сдвинется, нагнётся и прикроет низенькие избушки мохнатыми лапами, словно их тут и не было.

Малинка-деревня огородами спускалась к Малинке-реке, узенькой и неглубокой. А за деревней, по ту сторону речки, начиналось заросшее лесом моховое болото, и тянулось оно неведомо куда. Густой мох стлался по нему и колыхался, как качели под ногами, если кому пришло бы в голову ступить на него. Но таких смельчаков давно не находилось. Известно было, что пройти по болоту можно только по примеченным тропинкам, а сбиться с тропинки – верная смерть: мох прорвётся и сомкнётся уже над головой человека, заглушая его смертный крик. Называлось это болото «Андрюшкина топь».

Кто такой был Андрюшка, когда и почему поселился он в таком страшном месте – этого не помнили даже самые древние старики Малинки. Известно было только, что где-то в середине топи есть остров и на нём избушка, выстроенная самим Андрюшкой. Но дорогу к острову знал один Андрюшка и эту тайну унёс с собой.

Зимними вечерами ребяташки, сбившись в кучу на чьей-нибудь тёплой печке, любили поговорить о том, что и сейчас, наверно, Андрюшка бродит где-то неизвестными тропами по гиблой трясине, и беда живому человеку встретиться с ним на тесной дорожке.

На этот счёт у Фёдорова Ивашки были самые верные сведения. Он и рассказывать умел по-особенному: опустит голову и говорит тонким голосом, потихоньку. А в нужном месте как вытаращит глаза – они ну вот как у кошки засветятся.

Ребята не выдерживали, с криком сыпались с печки, поближе к лампе над столом, подальше от тёмного угла. А на другой вечер снова мостились на чью-нибудь печку и опять за рассказы. Договаривались до того, что и в сени выйти становилось страшно: за дверью мерещилась чья-то тень и слышался тонкий вой. «Так воет душа мёртвого человека, если его тело не закопают», – объяснял Ивашка.

Топь даже зимой местами не замерзала, деревья на ней стояли полумёртвые, окутанные длинными космами серого мха, а в глубине её слышались странные звуки, точно вздохи и хлюпанье, да иногда жалобно кричал кто-то.

Говорили в Малинке, что один человек знает про Андрюшкину топь больше других. Что ещё мальчиком не раз добирался он до Андрюшкина острова с приезжим охотником за дорогими перьями белой цапли, которой на острове водилось множество. Но однажды пошли они вдвоём, а вернулся Никитка один, без охотника. Целое лето он бродил как потерянный и с тех пор в жизни больше про Андрюшкину топь не сказал ни словечка.

Теперь старше деда Никиты не было старика в Малинке. Но и сейчас все знали: если кто заговорит про Андриюшкину топь – дед потемнеет весь, встанет и уйдёт.

Борода у деда Никиты была от старости уже не белая, а желтоватая, как слоновою кость, и такая длинная, что он её закидывал на плечо, чтобы не мешала работать. Дед ею гордился и по субботам мыл в бане щёлоком. Сколько было ему лет, про то никто в Малинке точно не знал. Ходили слухи, что он «француза помнит». Но когда его самого про это спрашивали, он отвечал только: «Хм-хм, так». А на лице у него было написано: «Знаю, а сказать не хочу». Когда же новый учитель из соседней деревни, Иван Петрович, вдруг взялся и сосчитал, что никак этого быть не могло, потому что французы воевали с Россией сто с лишком лет назад, дед Никита ничего не сказал, но видно крепко на учителя обиделся. Даже здороваться с ним перестал: встретится, а сам в сторону смотрит, будто не видит.

Ходил дед ещё твёрдо, даже не горбился. Лицо только было всё в глубоких морщинах, точка вырезано из тёмного дерева, но глаза ясные, голубые, под густыми бровями-кустиками. Правда, не любил дед признаваться, что видят они хуже, чем смолоду. Положит начатый лапоть около себя на завалинке и хлопает руками не с той стороны, пока не нащупает пропажи. Сам громко удивляется: «И как это я в ту сторону не погля-

дел!»

Жил дед вдвоём с единственной своей дочкой Лукерьей, и та уже была старухой. Но ещё одна управляла всем хозяйством и работала в колхозе. Внук его, Степан, женился и жил отдельно, с женой и с сыном Андрейкой. Больше у деда в деревне родных не было.

Глава 2

ГОСТЬ ИЗ ГОРОДА

Солнце ещё не начало как следует припекать, а дед Никита уже устроился на завалинке: на солнечной стороне тёплые стены приятно согревали спину. Около себя он разложил по порядку связки лык, начатый лапоть, кочедык и забрал в горсть бороду, собираясь её перекинуть на левое плечо, но приостановился и, наклонив голову на бок, прислушался. На дороге перед самой хатой из-за угла выбежала стая мальчуганов, босых, в холстинных штанишках и цветных рубашонках. Впереди шёл мальчик в белой майке и синих трусах, он ступал осторожно, точно по острым камням: видно было, что не привык бегать босиком. Его незагорелая кожа казалась ещё белее от тёмных вьющихся волос. Другие же мальчики, наоборот, загорели до черноты, а волосы их, выбеленные солнцем, походили на светлый лён.

– Иди, иди, – наперебой кричали они, подталкивая мальчика в майке. – Ты только спроси, сам спроси, он это страсть любит.

Новенький не успел и оглянуться, как мальчишки подтащили его к самой завалинке и отбежали, оставив его одного.

Дед Никита поднял голову, положил лапоть на завалинку и приставил руку козырьком к глазам.

– Ты чей же такой озорник будешь? – спросил он довольно немилостиво.

– Антона, дедушка, – закричали мальчишки. – Антона Нежилцова, в Минске который жил. Приехал к бабушке Ульяне. Его дядя Семён со станции на подводе привёз. Мамку у него на войну взяли.

Мальчишки кричали все наперебой.

– А мамка у него командир, – пропищал самый маленький, в синей рубашке с оторванным, сползавшим с плеча рукавом, усиленно пробиваясь вперёд.

– Как это можно? Баба она или нет?

Мальчик в майке оглянулся.

– Как это – баба? – спросил он с недоумением. – Моя мама врач, её мобилизовали, она теперь старший лейтенант и на фронт уехала. А бабушка Ульяна – мамина мама, вот я к ней и приехал, пока война кончится. А папа... – мальчик опустил голову и договорил тише: – Папа умер. Давно.

– Так, так, – медленно произнёс дед Никита. – А ну, подойди ближе, я на тебя погляжу.

Ребята приблизились и нажали на новенького так, что он поневоле оказался перед самой завалинкой. Вертлявый и курносый Мотя даже рот открыл и глубоко вздохнул от волнения. Маленький Андрейка подёрнул сползающий оторванный рукав и, подпрыгнув на

одной ножке, тоненько крикнул:

– Ой! Мамка – командир!

Но самый высокий мальчик с упрямым лицом сердито схватил его за шиворот и сильно дёрнул назад.

– Мамка на фронте, – насмешливо передразнил он, – а сам гусака испугался! – И, засунув два пальца в рот, громко свистнул прямо в лицо новенькому.

Мальчики громко расхохотались, а новенький стоял растерянный, не зная, что ответить. От обиды у него даже слёзы выступили на глазах, и это смутило его ещё больше.

– Я ведь не заметил этого гусака, – дрогнувшим голосом проговорил он. – И вдруг...

– Вдруг... – передразнил его высокий мальчик и так похоже, что все опять засмеялись. – У деда-то будешь спрашивать, чего говорили, или опять заробеешь?

Новенький посмотрел на блестящую наклонённую лысину деда Никиты и оглянулся. Ребята не сводили с него глаз. Андрейка пискнул и опять подпрыгнул на одной ножке, но высокий, не глядя, дал ему подзатыльник. Его серые упрямые глаза смотрели на новенького в упор.

– Гуса-ак, – насмешливо протянул он.

Новенький вспыхнул и сделал шаг вперёд.

– Дедушка, – проговорил он, – а как пройти на Андрюшкин...

Но договорить он не успел. Дед Никита вскочил и,

бросив лапоть, крепко схватил его за плечико майки.

– А, так ты над дедом потешиться захотел! Над дедом потешиться? – закричал он и дёрнул майку с такой силой, что плечико треснуло и порвалось. От неожиданности мальчик присел, майка осталась в дедовых руках.

Мальчишки, как горох, с визгом посыпались через плетень на противоположной стороне улицы, а дед Никита поднял майку на уровень глаз и, покачав головой, бросил её на завалинку, сел и снова взялся за кочедык.

Мальчик постоял немного и решительно шагнул вперёд.

– Отдай мою майку, дедушка, – сказал он дрожащим от обиды голосом. – Вот тот большой мальчик, Федоска, сказал, что ты любишь, когда тебя про это спрашивают, и рассказываешь всё интересное, а что ты дерёшься, я не знал.

Дед тряхнул головой и поправил сползающую с плеча бороду.

– Дождутся у меня, поганцы, – промолвил он сердито. – Ну, не скачи как козёл, сказываю – не буду драться. А с вами, озорники, я уже разберусь. – И дед погрозил кочедыком в сторону плетня, за которым слышались смех и возня. – Чего тебя гусаком-то дразнили? – добавил он уже мягче, снова принимаясь за работу. – Рубашку свою подбери или у матери ситца на рукава не хватило?

Дедово замечание за плетнём отметили новым смехом и вознёй. Мальчик опять покраснел.

– Меня зовут Саша, – отвечал он. – И в Минске все так ходят. А гусака я не заметил, он сбоку стоял. Ну и подпрыгнул, как он зашипел. А они смеются, что я трус. И что босиком мне больно. И про маму. И что я городской. Я теперь и сам с ними дружить не хочу. Я сюда один поездом приехал и один уеду. Сейчас. И... вот!

Саша говорил, царапая ногтем плетёнку завалинки. Постепенно разгорячась, он отошёл от неё и, стоя перед дедом, при каждой фразе взмахивал кулаком. Договорив, он отвернулся и начал перебирать руками резинку трусов. Затем медленно, высоко подняв голову, пошёл назад по дороге.

– Не буду больше с ними играть, – повторял он упрямо. – Домой уеду. Там рябой Колька. И Петушок. И скоро война кончится, и меня мама опять...

Но тут кто-то потянул его за руку. Мальчик быстро оглянулся: перед ним, смущённо улыбаясь, стоял голубоглазый Ивашка, а за ним, кучкой, все мальчишки. Только высокий Федоска держался поодаль, отвернувшись, как будто бы не со всеми шёл, а оказался тут случайно.

– Идём с нами раков ловить, – проговорил Ивашка застенчиво и чуть заикаясь. – Их там страсть сколько, под камнями.

Предложение было заманчивое, и все ребята, видимо, очень хотели помириться. Ивашка, держа Сашу за руку, смотрел на него уже весело. Любопытный Мотя забежал спереди, а маленький Андрейка высунулся из-за его спины и потрогал Сашину майку.

Саше и самому очень хотелось согласиться, он никогда ещё не видел раков в реке, но тут Федоска посмотрел на него так насмешливо, что он покраснел и выдернул руку.

– А вот вы сами спросите у деда Никиты, как пройти на Андрюшкин остров, тогда я с вами буду дружить, – проговорил он вызывающе и повернулся, чтобы идти. Но Федоска вдруг шагнул и загородил ему дорогу.

– Чего там – раки. Мы завтра в старый лес пойдём, – выпалил он. – Ивашка там филина подсмотрел в дупле. Кто его первый из дупла выгонит, тот молодец. Пойдёшь?

Мальчики молча смотрели то на Сашу, то на Федоску. И может потому, что серые глаза Федоски по-прежнему светились насмешкой, Саша решительно кивнул головой.

– Пойду, – сказал он. – Когда?

– Я тебе утром в окошко постукаю, – поспешно объяснил Мотя, и вся его круглая мордочка засияла от удовольствия. – Тихонечко постукаю, чтобы бабушка Ульяна не услышала. Ты не сердись, Сашка, право!

– Постучи, – сказал Саша. Быстро повернувшись, он

вбежал на крыльцо маленькой покосившейся избушки
и, не оглядываясь, закрыл за собой дверь.

Глава 3

ОНИ!

Дуб посередине полянки был толстый и высокий, и окружавшие его деревья казались перед ним чуть ли не молодняком. Его раскидистые корявые ветви закрывали большую часть полянки и даже в сильный дождь под ним было сухо. Сейчас утро было раннее, кудрявая вершина дуба уже освещена, но под деревом ещё сумрачно и трава тяжелела от росы.

– Сюда, я ж говорил – сюда! Вон отсюда видно, да чёрное какое!

– А чего же ты сам не лез?

– Да, сам полезь-ка! Без верёвки на него и не заберёшься!

Кусты орешника раздвинулись, и на полянку выбежал Андрейка. Штанишки, вымокшие от росы, потемнели и прилипли к ногам, роса капала с волос и даже с кончика вздёрнутого носа, но он этого не замечал.

– Как выскочит, крылищи – во! – И он расставил руки, сколько мог. – А глазищи – во, как колёса! А на башке рога – во! Бородища – во! Как у козла. Да страшнющий какой, да как загудит: у-ху-ху...

Андрейка перескакивал с одной ноги на другую, приседал и взмахивал руками, весь горя от возбуждения.

Мальчишки окружили его и смотрели то ему в рот, то вверх на дерево. Здесь, на месте, рассказ, слышанный ими уже не раз, казался новым и особенно значительным. Над первым толстым суком старого дуба чернело большое дупло. Похоже было, что после Андрюшкиного рассказа никому не хотелось заглянуть в это дупло первому, но ни один не хотел в этом признаться.

– Да его ещё, может, там и нет вовсе, – равнодушно проговорил Федоска, махнул рукой и отвернулся: я бы, мол, и полез, да не стоит трудиться.

– А забожусь, что есть. А забожусь! – заволновался Андрейка. – Он ночью с лешим по болоту хороводится, зайчей ловит. А сейчас залез в дупло и спит. Забожусь, что тут!

Саша посмотрел вверх, потом на мальчиков. Он вдруг заметил, что у Федоски одна прядь волос, спускающаяся на лоб, светлее других, и глаза невольно на ней задержались. Но Федоска поймал его взгляд и насторожился:

– Ты чего на меня смотришь, думаешь, боюсь? – вызывающе спросил он и для чего-то туже подтянул пояс. – Я их, чертей, может, столько перевидал... как курей. А тебе вот и лезть, – неожиданно закончил он и оглянулся на остальных мальчиков.

– Тебе! Тебе лезть! – обрадованно закричали все. Для каждого нашёлся удобный выход: не лезть самому и не заслужить упрёка в трусости.

Саша невольно сделал шаг назад.

– Боишься? – тоненьким голосом спросил Мотя и смешливо потянул носом. – Не бойся, не съест, не гусак! – закончил он под общий смех.

Саша покраснел и оглянулся. Все глаза, как вчера, были устремлены на него. Все ждали. Он вздохнул и стиснул зубы так, что стало больно.

– Бросай верёвку, Федоска, – сказал он твёрдо и сам тоже подтянул пояс курточки.

В руках у Федоски мигом оказалась принесённая из дома верёвка. Из кармана он вытащил продолговатый камень и крепко привязал его к верёвке.

– Берегись! – крикнул Федоска и размахнулся.

Камень перелетел через нижний сук и упал. Верёвка повисла на нём, касаясь земли.

– Влезешь? – спросил Федоска, уравнивая концы, – аль подмогнуть?

Саша молча взялся за верёвку и, напряжённо перехватывая её скрещёнными ногами, начал подниматься вверх. На поляне стало тихо. Ребята, подняв головы, следили за каждым его движением. Вот он добрался до сука, схватился за него, подтянулся и, слегка задыхаясь, сел верхом. Затем, упираясь руками и осторожно передвигаясь по суку, приблизился к стволу. Теперь дупло чернело над самой его головой. Саша размахнулся и запустил в него камень. В ответ послышалось страшное шипение, в дупле что-то завози-

лось, и вдруг перед самым носом мальчика мелькнула огромная кошачья голова с жёлтыми глазами и круто загнутым разинутым клювом. Саша вскрикнул и отшатнулся, закрывая лицо руками. Он едва устоял на суку, крепче обхватил его ногами. В лицо дуло ветром, мягкое упругое крыло ударило по руке, и огромный филин бесшумно пронёсся над поляной и скрылся за деревьями.

Саша не сразу решился опустить руки: казалось, вот-вот в лицо опять глянет страшная кошачья голова.

Голоса снизу привели его в себя.

– Самолёт! Чистый самолёт! – кричал, прыгая на одном месте, Ивашка. А Андрейка бегал по поляне и хватал всех за руки.

– Скорей! Ой, да скорей же! – торопил он. – Бежим глядеть, куда он подевался!

Мальчики с криком и смехом бросились с полянки.

– Гляди, гляди! – слышался из-за кустов тоненький голос Ивашки. – Он днём слепой, даром, что глаза по ложке. Мы его враз! Мы его враз!

Саша потянул было верёвку из дупла, но вдруг остановился: вот это дело! Он влезет в дупло и всё разглядит. Наверно, оно большое-пребольшое, может быть, как целая комната. А мальчишки пускай его поищут!

Саша осторожно встал на ноги и, придерживаясь за край, заглянул в дупло. Темно и тихо, и наверно пусто, уж с таким соседом никто не уживётся, можно смело

прыгать. Р-раз...

От прыжка в дупле поднялась такая пыль, что Саша чуть не задохнулся. Чхи! Чхи! Апчхи!.. Он чихал, кашлял и протирал глаза, пока поднятая им пыль немного улеглась и стало легче дышать. Затем, приподнявшись на цыпочки, он выглянул наружу. Что это? Мальчишки бегут назад, кричат ещё громче и смотрят вверх. Уж не летит ли филин назад, на старую квартиру?

Саша вздрогнул, хотел было выпрыгнуть из дупла, но тут же замер на месте: громадный зонт мелькнул перед его глазами и, колыхаясь, опустился на поляну. Ещё и ещё: три, четыре, пять... и все, как сговорились, в одно место. Люди в защитных комбинезонах быстро отцепляли от пояса верёвки и оглядывались, тихо говорили...

Андрейка засунул пальцы в рот и остановился как заворожённый под кустом орешника на краю поляны, Федоска стоял за ним, боком, и смотрел угрюмо, исподлобья, светлая прядь волос совсем закрыла ему один глаз. Остальные мальчуганы от неожиданности присели на корточки и выглядывали из-под куста, как испуганные зайцы.

«Парашютисты!» – И Саша заметался, стремясь скорее выбраться из дупла и спуститься на землю.

– Ну, Фогель, спроси у мальчишек – что это за место? Здесь вообще не должно быть никаких селений, – проговорил вдруг по-немецки один из парашютистов,

высокий, рыжий, и подтолкнул собранный в комок парашют под ветку орешника.

– Немцы! – прошептал Саша и невольно присел в дупле. – Хорошо ещё, что я их понимаю.

Второй парашютист, низенький и коренастый, отцепил последние крючки и, освободившись, повернулся к мальчикам.

– Шоколад хочет? – спросил он по-русски, но как-то странно выговаривая слова. – Иди сюда, карош мальшик, я даю тебе шоколад, ты говоришь мне, какой ты есть деревня. Карош?

Говоря это, низенький засунул руку в карман и вытащил большую плитку шоколада в золотой обёртке.

Мальчики не шевельнулись, но маленький курносый Мотя вздохнул и проглотил слюнки. Немец заметил это и повернулся к нему.

– Карош мальшик, – сказал он ласково, – я даю тебе шоколад, ты говоришь мне, какой ты есть деревня. Ну...

– Из Малинки мы, – смущённо ответил Мотя. Плитка оказалась у него перед глазами... ближе... у самой его замазанной рожицы. Из разорванной немцем обёртки заманчиво выглянул душистый коричневый уголок...

Мотя не выдержал, рот его приоткрылся... И, проворно сунув отломанный немцем кусочек шоколада в рот, он так усиленно заработал челюстями, что другие немцы захохотали и тоже опустили руки в карманы.

– Иди все сюда, карош мальшик, – снова заговорил низенький немец и помахал толстой рукой с короткими пальцами. Саше она показалась до того похожей на лапу филина, что он вздрогнул.

– Я всем даю шоколяд. Я считаю сколько мальшик: раз, два, три, четыре...

У каждого мальчика в руках оказалось по плитке шоколада. Они уже все выползли из засады и храбрее разглядывали странных гостей.

– Вы наши? – вдруг угрюмо спросил Федоска. Он один не отошёл от куста, даже подался назад, и шоколада, что протягивал ему немец, не взял.

– Ваши, ваши, – поспешно ответил немец и оглянулся на высокого.

– Этот соображает больше, чем следует, – вполголоса проговорил высокий, и у Саши опять сильно забилось сердце.

– Мы добрый коммунист, – продолжал низенький немец. – Мальшик, скажи, есть ваш деревня близко?

– Там наша деревня, за речкой, – прогнусавил Мотя, потому что рот его был забит шоколадом. – И ещё один есть, Сашка. Вы ему тоже дайте. Ладно?

– Да, да, – торопливо кивнул головой немец. – Скоро, очень скоро зови твой Сашка. Где есть Сашка?

– Не знаю, – ответил Мотя и повернулся на босой пятке, оглядывая поляну. – Домой убежал, что ли...

– А вы откуда будете? – опять прервал разговор Фе-

доска.

– От неба, – сказал немец и засмеялся. – Ты, мальчик, будешь нам показывать дорога в твой деревня. Карош?

– Ладно, – с готовностью согласился Мотя и, вытерев рукавом замазанный шоколадом рот, с наслаждением облизал пальцы. – Идти вон туда, до речки, а там за речкой... Ой!..

Сверху Саша увидел, как Федоска проворно протянул руку и ущипнул Мотю, а другой рукой дёрнул Андрейку за рукав.

Немцы передвинулись так, что окружили ребят со всех сторон. Высокий опять заговорил, на этот раз так тихо, что Саша не мог расслышать. Затем он вынул из кармана что-то блестящее и, высоко подняв руку, бросил его в траву. Три светлых головёнки одновременно нагнулись вниз, а в следующую минуту...

– Feuer! (Огонь!) – крикнул высокий, и несколько выстрелов слилось в один, а светлые головёнки, только что нагнувшиеся к земле, так и припали к ней...

Не нагнулся один Федоска. В момент, когда прозвучали выстрелы, он упал на четвереньки и откатился в сторону так, что только босые ноги мелькнули в воздухе. Кусты орешника качнулись и закрыли его синюю рубашку...

В следующую секунду ветки, срезанные пулями, посыпались на землю. С криком и ругательствами немцы

кинулись по тропинке вслед за Федоской.

Зажимая рот руками, чтобы не крикнуть, Саша прижался лбом к бархатной стенке дупла.

– Андрейка, Мотя, Ивашка, – повторял он шёпотом и опять: – Андрейка, Мотя, Ивашка...

Внизу, на полянке, опять послышалась немецкая речь. Саша осторожно выглянул: полянка была полна людьми в защитных комбинезонах, с необычными, коротенькими ружьями на груди. Они все громко говорили, перебивая друг друга, и показывали руками в сторону, куда убежал Федоска.

– Сведения были ошибочными, – уловил Саша немецкую фразу. – Нам говорили, что здесь нет никаких деревень. А теперь этот маленький негодяй всех всполошит...

– Действовать быстрее, чтобы никто не ушёл, – отчётливо проговорил другой, махнув рукой в сторону деревни.

Саша посмотрел на него: длинный тонкий шрам, начинаясь от угла рта, пересекал щеку немца, стягивая её, и от этого казалось, что на его лице застыла странная и страшная улыбка – одной стороной рта. По тому, как этого человека слушали, Саша понял, что он старший. Рассматривая немца, он опустил глаза ниже и сразу забыл о нём: три маленьких комочка лежали на траве. Один из парашютистов споткнулся и с ругательствами ударил ногой: белый рукав рубашки мельк-

нул в воздухе. Ивашка! Теперь он лежал вверх лицом, спокойный и серьёзный, откинув в сторону худенькую руку. На виске виднелась тонкая красная струйка.

Саша забыл, что его могли увидеть. Почти высунувшись из дупла, он смотрел, как немцы по команде, держа коротенькие ружья, исчезали за кустами орешника. Точно и никого тут не было. Если бы только не трое, что остались лежать на полянке среди высокой травы...

Прошло много времени, пока Саша решился выбраться из дупла. Он перекинул через сук верёвку и медленно спустился вниз. Постоял около дерева и вдруг, вскрикнув, кинулся в лес, по тропинке, по которой ещё недавно бежали немцы. Он только сейчас догадался: они собирались убить там, в Малинке, всех, чтобы никто не смог рассказать о них русским солдатам. И мальчиков они убили потому же. Федоска? Но его тоже, может быть, убили. И столько времени он потерял, сидя в дупле. Он виноват, он не предупредил вовремя!

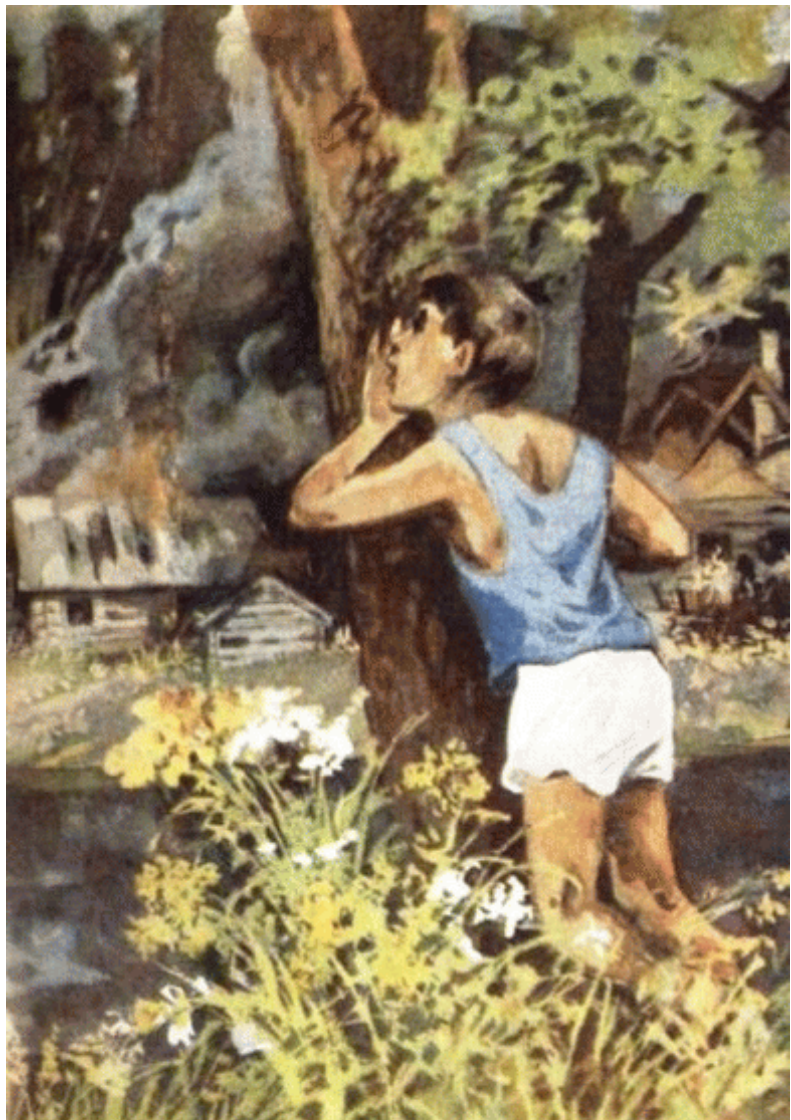
Саша остановился и круто повернул в сторону. Он понял – надо не бежать за немцами, а обойти их стороной, опередить... Ах, если бы Мотя не показал им, в какой стороне находится Малинка!..

В висках у Саши стучало. Дышать было трудно, словно воздух стал тяжёлым и густым. Но Саша бежал упорно, не давая себе передышки. Он падал и опять

бежал...

Наконец старый дубовый лес кончился. Ещё немного – и тропинка выбежала на открытое место, на берег реки Малинки.

Чёрные столбы дыма над домами было первое, что увидел Саша, выбегая из леса. Послышался глухой взрыв, ещё взрыв и частые, частые выстрелы...

Глава 4

ГДЕ ИСКАТЬ СПАСЕНИЯ?

Тот, кто видел Малинку вчера, не узнал бы её сегодня. Дома исчезли. На их месте, вдоль улицы, будто странные памятники, стояли закопчённые печи. В печах кое-где ещё уцелели оплавленные жаром горшки. Ни людей, ни животных не было видно. Обгорелые ветлы и берёзы неподвижно протягивали почерневшие сучья. Единственно, кто уцелел и уже освоился с видом пожарища, были куры. Они также деловито рылись в грудах пепла, как раньше – в навозных кучах родного двора. А один петух, наткнувшись на полуобгорелое рассыпанное зерно, так звонко закричал, приглашая кур, что мальчик, выглянувший из-за уцелевшего плетня бывшей избы деда Никиты, вздрогнул и присел на корточки.

– Погоди, – прошептал он, озираясь, – ужо перешибу тебе ноги – забудешь галдеть-то!

Мальчик был широкоплечий, загорелый и босой. Волосы его в беспорядке торчали в разные стороны, а одна прядь, более светлая, спускалась на самые глаза. Он, видимо, давно уже сидел тут, от нетерпенья вырвал и примял вокруг себя всю траву, но выйти из своего укрытия не решался: слишком страшен был вид

молчащей растерзанной деревни. Его беспокоил ещё шорох с другой стороны плетня, будто там кто-то тихонько полз на животе или пробирался на четвереньках. Но в плетне, сделанном дедом Никитой, точно в хорошей корзинке, не было ни малейшей щёлочки, чтобы можно было заглянуть. А подтянуться и посмотреть через плетень мальчик не решался.

За плетнём опять что-то зашелестело. Послышалось чьё-то сдержанное дыхание, тихий вздох...

Робко протянув руку, мальчик поцарапал ногтем плетень. Тотчас же последовало ответное царапанье. Тогда мальчик тихо постучал: раз, два, три. Ответный стук такой же: раз, два, три.

Нет, это не собака и не зверь какой-нибудь. Так стучать может только человек.

Мальчик не выдержал: осторожно он начал подниматься, чуть-чуть, только чтобы глаза оказались вровень с плетнём. Всё выше, вот уже... И тут же, тихо охнув, он присел на землю: тот, за плетнём, тоже поднялся, и они оказались нос к носу, глаза к глазам...

Тот от неожиданности тоже присел так быстро, что мальчик и рассмотреть его не успел.

Тихо. И за плетнём не шевелятся.

Передохнув, мальчик, огляделся и снова начал подниматься. «Загляну первый», – подумал он и опять оказался нос к носу с тем, из-за плетня. Но на этот раз они оба не охнули и не присели.

- Сашка!
- Федоска!

Они сказали это шёпотом и, протянув руки, ухватились друг за друга и стояли так, крепко сжав руки, точно каждый боялся, что другой исчезнет.

– Ты!

– Ты! – опять сказали они тихонько и замолчали.

– Давай сюда, – предложил наконец Федоска и оглянулся, – только живо, пока никто не видал. Задал ты мне страху!

– А ты мне...

Общая беда сблизила мальчиков. Теперь они сидели рядом, тесно прижавшись друг к другу. Крапива больно жгла шею и ухо Саши, но он не отодвигался: её куст защищал его в этом страшном месте, где каждое открытое пространство грозило опасностью. Спинами мальчики прижимались к плетню.

– Рассказывай!

– Рассказывай! – одновременно заговорили мальчики, но тут же смолкли: в смородине, совсем рядом с ними, что-то зашевелилось и раздался чуть слышный стон.

– Помогите... – расслышали они. Кусты затрещали, кто-то медленно пробирался сквозь них, ближе, ближе.... Мальчики замерли. Ветки раздвинулись, и показалась голова человека. Глубокая царапина тянулась по голому черепу, длинная, промокшая от крови боро-

да волочилась по земле.

– Дедушка Никита, – с трудом произнёс Федоска. – Дед... – и растерянно замолчал.

– Пить, детки, пить, – невнятно проговорил старик.

Саша еле успел подхватить его: дед Никита, стоя на четвереньках, пошатнулся и чуть не ткнулся головой в крапиву.

– Воды, – повторил он, но проворный Федоска уже успел сбегать к речке и возвращался, поддерживая обеими руками свёрнутый лист лопуха с водой. Дед Никита погрузил в него лицо, и Саша вздрогнул: вода, вытекавшая из лопуха, окрасилась в красный цвет.

– Спасибо, – уже твёрже сказал дед Никита и, поднявшись, оглянулся, подвинулся к плетню, где кусты были гуще. – Спасибо, что старому помогли. Бежать надо, куда подальше. Может, те, проклятые, сюда вернуться и нас позабывают.

Старик помолчал, с трудом переводя дыхание.

– В грудь били, – проговорил он и со стоном кашлянул. – Всех, всех положили. – Он опустил голову, добавил тише: – Баб, ребятишек, всех.

– А бабушка Ульяна? – взволнованно спросил Саша и вскочил на ноги. – Дедушка, а бабушка Ульяна?

– Сядь, – сердито сказал дед, кашлянул и просто-напал: – Сядь, может, ещё увидит кто... Всех, говорю тебе, в школу тащили...

Федоска молчал. Он всё ещё держал в руке лопух,

из которого поил деда водой, и, старательно отрывая от него кусочки, раскладывал их рядышком на земле.

– Дед, – спросил он негромко, – а может, есть ещё такие, что убежали, а?

Дед Никита не ответил.

По листку крапивы полз мохнатый червяк, весь в жёлтых и чёрных полосках. Вот он свесился с листа, изогнулся, собираясь перебраться на соседний лист. Он был такой забавный и спокойный, что Саше вдруг показалось, будто ничего страшного и не было. Вот он сидит и смотрит на червяка, а поднимет глаза и увидит дедову хату и деда на завалинке с недоконченным лаптем в руках...

Но тут Федоска крепко ткнул его в бок. Саша вздрогнул и поднял глаза. Хаты не было, не было и завалинки. Дед Никита сидел на земле, тяжело опираясь спиной о плетень, и, свесив голову на грудь, дремал.

– Пойдём, – тихо проговорил Федоска, – поглядим, может, и вправду кто ещё живой остался. Дед, мы скоро придём.

Дед Никита не шевельнулся. Мальчики тихо поползли вдоль плетня. Федоска уже приподнялся, собираясь перелезть через него, но вдруг остановился и проговорил дрожащим голосом:

– Ой, бабка Фиона лежит! Глянь, Сашка!

Саша закрыл лицо руками.

– Не буду, – сказал он. – Не буду смотреть! Ползём

дальше, Федоска, может, ещё живых найдём.

Но Федоска не двинулся.

– Хорошая она была, – невнятно и точно сердито проговорил он. – Яблоки у неё всегда таскали. Слова не скажет, м-м-м...

Последних слов Саша не разобрал, потому что Федоска вдруг схватил зубами рукав рубашки и замотал головой, словно хотел оторвать его. Но Саше и без слов было понятно. Он поднялся и потянул Федоску за другую руку.

– Пойдём, Федоска, – повторил настойчиво. – Может быть, живых найдём.

Федоска постоял ещё, выпустил рукав и почти побежал вдоль забора.

– К бабке Ульяне пойдём, – сказал он. – Тут их мало лежит, всех в школу согнали. И гранаты туда кидали. Я видел.

– Я тоже, – тихо ответил Саша.

Малинка была невелика, всего дворов двадцать, но теперь выгоревшее, открытое место казалось мальчикам очень большим. Они шли по единственной улице, вдоль страшного ряда почерневших и обугленных печей. Около каждой печи Федоска оборачивался и, не останавливаясь, говорил Саше:

– Дяди Ивана это была хата, Малашонка. А это Кострюкова, а эта Арийки, мельничихи. Гляди: горшок на загнетке стоит!

Его сдержанный шёпот, казалось, раздавался по всей деревне. Около одной большой печи, весь скрюченный, полурастопленный сильным жаром, лежал большой медный самовар.

– Гляди, – начал опять Федоска, но вдруг схватил Сашу за руку и присел за кучку лежавших возле дороги кирпичей.

– Слышишь? – шепнул он. – Никак, домовой это.

В тишине чуть звякнул закрывавший печку железный лист. В печке послышался вздох, лист опять шевельнулся...

Дрожь Федоски передалась и Саше, он тоже присел за кирпичами, оглянулся назад, но тут же опомнился.

– Домовых не бывает, – сказал он как мог твёрдо. – Это живое!

Но Федоска упрямо замотал головой.

– Бывает. Домовой, и кикимора, и леший – все бывает. Ему теперь жить негде, так он в печку убрался. Вот.

В печке опять что-то завозилось. Саша вздохнул, поёжился.

– Живое! – уже твёрже повторил он. – Я открою, – и, решительно шагнув вперёд, взялся за заслонку.

Но тут Федоска с такой силой дёрнул его за рукав, что заслонка вылетела и покатила по земле.

В тёмной глубине печки зашевелились две маленькие фигурки. Глаза на чёрных рожицах блестели, точно огоньки.

– Домовой в печке не живёт, – услышался детский низкий голос. – Домовой под печкой. Тут мы с Мариной живём. Мамку ждём.

– Гришака?.. – удивился Федоска. – Ты что тут делаешь?

– Мамку ждём, – упрямо повторил детский голос. – Куда ей деваться? От печки-то?

Федоска тихонько толкнул Сашу.

– Не придёт она к печке, – шепнул он. – Ты им не говори только.

Голос Федоски стал мягче. Он нагнулся к малышам и договорил почти ласково:

– Сидите уж. Мы опять придём.

– Есть хочу, – протянул другой, тоненький голосок.

– Я тебе что сказал?! Жди. Придёт мамка. – Гришака проговорил это грубым голосом, точно взрослый. Затем протянул руку к отверстию печки.

– Закрой, – сказал он и неожиданно всхлипнул. – Закрой, не то ещё опять придут те-то. А мамка нас и так найдёт.

Саша открыл было рот, хотел что-то сказать и не смог. Он молча просунул руку в печку и погладил чёрную головёнку, отчего и его рука стала чёрной. Потом придвинул заслонку и кивнул Федоске: идём.

Мальчики не заметили, как вышли на середину того, что было прежде улицей.

Вдруг Саша остановился:

– Сидит вон кто-то, – сказал он шёпотом. – Смотри!
У дороги, на чём-то обугленном, сидела женщина.

Она согнулась и, опираясь подбородком на сложенные руки, неподвижно смотрела вперёд.

– Бабушка Ульяна, – крикнул Саша и бросился вперёд. – Бабушка Ульяна! – повторил он задыхаясь.

Старуха обернулась.

– Дитячко? – проговорила она тихо и, не вставая, протянула руки.

– Бабушка Ульяна! – Саша, упав на колени, спрятал лицо в складках широкой юбки, а старуха нагнулась и, обхватив руками его голову, едва слышно добавила:

– Живой ты, дитячко моё, живой. А я уж не ждала...

Наплакавшись, Саша некоторое время не шевелился: ему было страшно поднять голову и опять увидеть разорённую деревню.

Маленькая старушка, которую он впервые увидел сутки назад, теперь была для него единственным родным существом.

Федоска тронул его за плечо. Саша обернулся.

– Будет реветь, – проговорил Федоска почти прежним грубым голосом. Что делать-то будем? – озабоченно спросил Федоска.

Бабушка Ульяна тоже подняла голову и ладонью вытерла глаза. Саша взглянул на неё и всплеснул руками:

– Бабушка, – вскрикнул он, – а волосы-то у тебя!..

Косы бабушки, всегда аккуратно прикрытые плат-

ком, распустились и беспорядочно лежали по плечам. Но теперь они были совсем седые.

Старуха взяла в руку прядь волос, посмотрела на них и покачала головой.

– Бог с ними, – сказала она, – как ещё они на голове моей удержались. Чего я насмотрелась, нельзя вам того, ребятки, рассказать: вам ещё жить надо, а с того жить не захочется. Близнецов Дарёнкиных да Наталкиного Ванюшку в коноплях я запрятала, накормила, спят они там. Мужики, которые на войну пошли, может, живы останутся. Отец твой, Федоска, тоже вернётся...

– М-м-м... – Лицо Федоски скривилось, он не сдержался и, отвернувшись, заплакал грубым, недетским плачем. Перестал так же внезапно, как начал, вытер глаза рукавом рубахи и обернулся к бабушке Ульяне с виду уже спокойный.

– Вернётся, – уверенно проговорил он и крепко стукнул кулаком по ладони другой руки. – Отец, он вернётся!

Федоска хотел ещё что-то добавить, но посмотрел по сторонам, отошёл и задумался.

Бабушка Ульяна встала, отряхнула юбку, осмотрелась, точно ища чего-то, и проговорила вполголоса:

– А ну, чтой-то у меня в кармане лежит...

Эта привычная фраза как будто сразу её успокоила: быстрые загорелые руки захлопотали около одного из карманов пёстрой юбки, и она протянула мальчикам

ломоть чёрного хлеба.

– Уж знаю, что голодные, – ласково проговорила бабушка Ульяна.

Саша думал, что ему уже никогда есть не захочется. Но хлеб растаял во рту, будто его и не было, и тут-то есть захотелось по-настоящему. Федоска справился со своим куском ещё быстрее и, запрокинув голову, осторожно высыпал в рот крошки с ладони.

– Бабушка, ты нам хлеб отдала, а сама, наверное, не ела, – спохватился Саша.

Но старуха покачала головой.

– До еды ли мне теперь, – сказала она. – Ваше дело молодое. – И вдруг всплеснула руками: – Ой, малыши-то в коноплях уж не плачут ли?

– Ещё есть двое, тётки Алёны, – заговорил Федоска. – В печке сидят, мамку ждут. Как они туда только успели. Дед Никита тоже живой.

– Головушка бедная! – только и сказала бабушка Ульяна и, проворно вскочив на ноги, почти побежала по улице.

Вскоре она была уже на месте.

– Детушки мои! – протянула руки в глубь печки и через мгновение прижала к груди маленькую, перемазанную и горько плачущую Маринку.

С Гришакой оказалось труднее.

– Мамка придёт, я буду её в печке ждать, – твёрдо заявил он.

Но материнский глаз старухи увидел следы слёз на замазанном сажей лице.

– Гришака, – ласково сказала бабушка Ульяна, – мамка к кому каждый день ходила?

– К тебе, – осторожно ответил мальчишка попятился.

– Ну и опять ко мне придёт, – спокойно объяснила бабушка Ульяна. – Придёт и вас заберёт.

– А как не придёт? – с сомнением вымолвил Гришака. уже стоя около печки, но всё ещё держась рукой за шесток.

– Придёт, сынок, придёт. К кому ж ей прийти, как не к старой бабке? – И бабушка Ульяна осторожно отняла его руку от шестка. – А пока в коноплю пойдём. Там теперь у нас дом, – закончила она, уже ведя детей по улице.

Лицо бабушки Ульяны теперь было перемазано сажей не меньше, чем у ребятишек, которых она прижимала к себе, но им ничто уже больше не казалось странным. Маленькая старушка сейчас была для них защитой от того невероятного, что обрушилось на Малинку с ясного осеннего неба. Даже Гришака, хоть и оборачивался на ходу, чтобы взглянуть на родную печку, доверчиво жался к юбке, потихоньку натягивая на себя одну из бесчисленных её складок, а маленькая Маринка как прижалась личиком к бабушкиной шее, так и не поднимала головы.

– Ребятки, а вы бегите к деду Никите да ведите его

сюда, с ним посоветуемся, как нам дальше жить, – сказала бабушка Ульяна, обращаясь к Саше и Федоске. – Да по сторонам не глядите, – будет с вас и того, что видели.

– Сюда, дедушка, сюда, в самую середину, – показывал рукой Саша. – Мы все тут: бабушка и Гришака с Маринкой, и близнецы... Ну вот!..

Стебли конопли такой высокой стеной обступили маленькое пространство, на котором бабушка Ульяна устроила свой «дом», что Саша и Федоска не сразу нашли его, когда вернулись с дедом Никитой.

Дед успел отмыть кровь с лица и бороды. Один глаз его смотрел строго и печально, другой скрывала синевато-багровая опухоль. Он стоял сгорбившись, захватив обеими руками пучки конопли, точно опирался на них, и смотрел вниз, на бабушку Ульяну. А она сидела на земле, тихо покачивая на руках маленького Ванюшку. К ней испуганно жались остальные дети.

– Жив, дед? – сказала она просто. – Садись к нам. Тут теперь наша хата и крыша.

Дед Никита постоял, покачнулся и, ломая пучки конопли, за которые держался, грузно опустился на землю. Обхватив голову руками, он молча стал раскачиваться из стороны в сторону, и упругие стебли раздвигались и смыкались вокруг него.

Наступившее молчание прервали близнецы. Оба беленькие и голубоглазые, они держались за руки и

с опасением поглядывали на Гришаку и Маринку. Бабушка уже пробовала отмыть их в корыте, но от этого сплошная их чернота только превратилась в пятнистую.

– Глисака? – вопросительно сказала Наталка и дёрнула Павлика за руку.

– Глисака? – повторил тот.

Затем оба тряхнули головами и решительно закончили:

– Не!

Но на них никто не обратил внимания. Дед Никита больше не раскачивался. Теперь он сидел, опираясь одной рукой о землю, другой вынул из кармана кочедык и рассеянно поднимал им с земли какие-то соломинки, точно плёл невидимый лапоть. Бабушка Ульяна так же молча гладила головку Маринки и время от времени опускала руку в один из глубоких карманов своей широкой юбки и приговаривала вполголоса:

– А ну, что-то у меня там лежит... – Но ни сушёных яблок, ни орехов, которые она всегда приберегала на потеху ребятишкам, не оказывалось. И, вздохнув, бабушка опускала руку.

Мальчики сидели не шевелясь, тесно прижавшись друг к другу. Заносчивый Федоска забыл, как подсмеивался над дедом Никитой: «Ищет на завалинке кочедык, а сам его в руках держит». Теперь от одного его присутствия у мальчика становилось легче на душе.

«Если бы мама была здесь, – с тоской подумал Са-ша, но тут же спохватился: – Ой, нет, если бы я был с ней дома...»

– Что же делать будем, бабка? – заговорил, наконец, дед Никита, и рука его с кочедыком на минуту остано-вилась.

– Картошки наварим да ребятишек накормим. А по-том на перекидку их возьмём, я там на заборе полотен-це видела. И пойдём. Бог поможет, куда-нибудь вый-дем, – ответила бабушка Ульяна и рукой смахнула му-ху с личика ребёнка.

Но дед Никита отрицательно покачал головой и во-ткнул кочедык в землю.

– Эдак мы никуда не дойдём, бабка, – сердито ска-зал он. – Никуда не дойдём. Кругом война, стреляют... Тут и без ребят пропадёшь, а ты их целую кучу насби-рала.

Бабушка Ульяна не шевельнулась, только присталь-но посмотрела на деда.

– Ребят... куча, – медленно повторила она, не отво-дя строгого взгляда от дедовых глаз. – Вот через эту кучу и не пропадёшь, дед. Не пропадёшь! – повторила она торжественно. – Нельзя нам пропадать. Их спасти будешь и через них сам спасёшься.

Дед Никита сидел неподвижно. Потом, не глядя, на-щупал в земле свой кочедык с налипшей землёй, сунул его в карман.

– Ну, на перекидку так наперекидку, – проворчал он и махнул рукой.

Бабушка Ульяна приподнялась было, но вдруг так и застыла, стоя на коленях и прислушиваясь. Тихий, но внятный свист раздался со стороны улицы. Ещё и ещё...

Мальчики вскочили, но сквозь стену конопли ничего не было видно.

– Идём! – прошептал Федоска.

– Тихонько, – предупредила бабушка Ульяна, но мальчики уже исчезли.

Свист повторился. Федоска, шедший впереди, остановился.

– Николай, – прошептал он. – Николай это, дяди Егора сын!

А Саша уже выскочил на открытое место и бежал, опережая Федоску, изо всех сил стараясь добежать первым. Он не знал Николая и не успел о нём ничего услышать за единственный день, проведённый в Малинке. Но Федоска знал его, это был свой, малинкинский, и потому сейчас родной, близкий человек.

– Николай! – закричал Саша, подбегая к нему, но тут же замолчал и остановился: лоб Николая был перевязан окровавленной тряпкой, левая рука тоже, рубашка на груди разорвана, и сам он так взглянул на Сашу, что тот опустил протянутые руки.

– Груня где? Ну... – спросил Николай.

Федоска, подбежавший к нему вместе с Сашей, потупился и отвернулся.

– Ну... – Николай шагнул ближе.

– Где ж ей быть? – с трудом вымолвил Федоска, не оборачиваясь. – Известно... где... Где все...

– Где все... – повторил Николай, точно не сразу понял. Потом повернулся и пошёл назад, к лесу.

– Николай! – крикнул с отчаянием Саша и, догнав его, крепко схватил за руку. – Не уходи от нас. Останься!

Николай остановился.

– Остаться? – медленно, словно раздумывая, спросил он. – А немцы в другое село пойдут?.. – Он вытянул сжатую в кулак здоровую руку и вдруг взмахнул ею в воздухе с такой силой, что Саша еле успел отвернуться. Николай забыл о нём, не видел его, говоря сам с собой.

– На фронт пойду, – договорил он решительно, точно обращаясь не к Саше, а к кому-то невидимому за его спиной. – Прощай, Груня! – и, не глядя на мальчиков, быстро пошёл по дороге.

С минуту мальчики стояли неподвижно, затем Федоска схватил Сашу за руку.

– Бежим! – крикнул он, показывая на удаляющегося Николая. – С ним! На фронт! – И уже тащил за собой Сашу.

– Николай! – кричал он. – Мы с тобой! Мы с тобой!

Николай, не останавливаясь, оглянулся.

– Ну что же? – проговорил он равнодушно. – Хотите, так идите.

Все трое пошли рядом. Саше хотелось закричать от радости. Они не одни! Они идут на войну! Бить немцев!

– Сашка! – раздался сзади тонкий голосок.

Саша оглянулся. Маленькая, замазанная и растрёпанная Маринка выбежала из конопляника на край дороги.

– Сашка! – крикнула она опять, протягивая к нему руки.

Саша внезапно остановился, будто споткнулся.

Как мог он забыть? Вот они уходят. Уйдут. А бабушка Ульяна? А дети?

– Сашка! – ещё раз позвала Маринка и всхлипнула. – Я боюсь, иди скорей, бабушка звала.

– Иду! – вдруг неожиданно для себя ответил Саша и, вырвав руку у тянувшего его Федоски, побежал назад.

– Сашка! – крикнул и Федоска. Он остановился по среди дороги, смешно поворачивая голову и растерянно глядя то на Сашу, то на продолжавшего идти Николая. – Сашка! – повторил он. – Скорей!

– Не пойду! – ответил Саша. Он уже стоял, держа за руку уцепившуюся за него девчушку. – А они как? Не пойду!

Федоска покраснел и подошёл ближе.

– Не пойдёшь? – спросил он, сжимая кулаки.

– Нет... – Саша тоже покраснел, – не могу.

– Трус! – выпалил Федоска и замахнулся было, но, оглянувшись, увидел, что Николай исчезает за поворотом дороги. – Гусак! – крикнул он и кинулся догонять Николая.

Саша стоял неподвижно, продолжая держать руку Маринки. Он не чувствовал, как крепко её сжимает, пока девочка не вскрикнула:

– Сашка, больно, пусти!

Тогда он повернулся и, опустив голову, пошёл назад. Он шёл молча, тяжело ступая, точно это не он только что так легко бежал за Николаем.

Глава 5

НА АНДРЮШКИН ОСТРОВ

Дед Никита сидел, по-прежнему обхватив руками колени и неподвижно устремив взгляд на спящего на руках бабушки Ульяны ребёнка Натальи. Но было непонятно: видит ли он его и видит ли что-либо вообще.

Бабушка Ульяна тихонько покачивала завернутого в пёстрое одеяльце Ванюшку. Придерживая его одной рукой, она другой гладила по голове сидевшего около неё Гришаку и что-то ему тихо шептала. Морщинистое лицо её было спокойно и приветливо.

Саше опять на минуту показалось: всё страшное, что он видел, было лишь сном. А если себя ущипнуть побольнее и проснуться... Но тут же, встретив вопросительный взгляд бабушки Ульяны, вздохнул и опустил голову.

– Это Николай был, – проговорил он негромко. – На войну ушёл. И Федоска... тоже.

Бабушка Ульяна кивнула головой и продолжала смотреть на Сашу, точно ожидая услышать ещё что-то.

Саша переступил с ноги на ногу и отвернулся.

– Ну и думайте, что я трус. И думайте. А я всё равно не ушёл!

– Не покинул, – проговорила бабушка Ульяна тихо и

крепче прижала к себе спавшего ребёнка.

От этих слов руки Саши, упрямо сжатые, вдруг разжались и дышать стало легко и свободно.

– Нам тоже уходить надо, бабушка. И скорее. Николай говорил – «эти» опять придут.

– Куда уходить-то? – отозвался дед Никита, не поворачивая головы.

– На Андрюшкин остров! – решительно сказал Саша и сам вздрогнул от неожиданности. – Ты нас поведёшь, дедушка?

Дед Никита ещё больше сгорбился.

– Примет я не увижу, – безнадёжно ответил он. – А без примет пропадём все.

У Саши сильно забилося сердце.

Так это значит правда, дед знает дорогу!

– Ты мне будешь говорить, дедушка, а я – смотреть. Вставай же, дедушка! Слышишь? Времени терять нельзя.

Бабушка Ульяна посмотрела на деда Никиту, потом на Сашу.

– Весь ты в мать, Сашок, – проговорила она. – Слышишь, дед? Пойдём, куда мальчик сказал. На дорогу картошки накопаяем, мешки на плетне возьмите. Дарёнка сушить повесила, головушка бедная.

Сдержанная похвала старухи приободрила Сашу. Ему захотелось действовать сейчас же, сию минуту спасти Гришаку, Маринку, бабушку, всех!

– Дедушка, идём, – строго повторил он.

Дед Никита ещё некоторое время продолжал сидеть неподвижно, опустив голову на грудь. Затем тяжело повернулся, опёрся рукой о землю и медленно встал.

– Пропадать будем, – сказал он глухо, ни к кому не обращаясь.

Бабушка Ульяна положила спящего ребёнка на землю, развязав передник, прикрыла его и выпрямилась. Даже маленькая Маринка почувствовала, что настало время действовать, она вздохнула, вытерла кулачком глаза и тоже встала.

– Я картошку хорошо умею подкапывать, – деловито проговорила она.

– Подкапывать не надо, – отозвалась бабушка Ульяна. – Дёргать надо кусты, так скорее. Ох и жалко добро портить, – сокрушённо вздохнула она...

«Ме-е-е... – раздалось со стороны дороги. – Ме-е-е...» Бабушка Ульяна едва успела схватить Маринку за руку.

– Куда ты? – испуганно крикнула она.

– Манька, Манька моя, – старалась вырваться Маринка. – Моя это Манька кричит, бабушка, пусти!

«М-е-е» – раздалось ближе. Стебли конопли затрещали, раздвигаясь, и большая белая коза подбежала к девочке. Маринка с плачем обняла её за шею.

– Манька, Манька моя, – причитала она. – Ой, бабушка, пускай она с нами пойдёт. Ладно, бабушка?

Дед Никита раздражённо махнул рукой и отвернулся.

– Ещё кого поведёшь, бабка? – сердито проворчал он.

Но бабушка Ульяна осторожно разняла руки Маринки.

– Ладно уж, – сказала она. – Ты только скорей на огород иди. И Сашок пойдёт, и дед. А я сейчас бельё с забора сниму – хоть на это не польстились, окаянные.

В огороде, начинавшемся у самого пожарища, Саша схватил деда за руку.

– Дедушка, смотри, дрова напиленные и пила, и топор; в чурбане оставили. Взять надо.

– Оставили, – повторил дед, – там он, небось, и голову оставил, Сергей-то, это его топор.

Дед Никита даже не повернул головы в сторону мальчика, пока тот с трудом выбивал поленом глубоко ушедший в дерево топор.

Старик говорил и двигался, как во сне, иногда останавливался с кустом картофеля в руках, прислушиваясь и шевеля губами.

Бабушка Ульяна успевала везде: сняла с плетня бельё, мешки, с помощью Маринки подоила козу и напоила детей тёплым молоком из битого черепка.

– Вот теперь и идти можно, – сказала она и, разделив последние капли, аккуратно отряхнула широкую юбку. – Собирайся, дед. Будем живы или нет, а здесь

добра ждать не приходится. Теперь у нас с тобой одна думка – как этих малых сберечь.

Дед Никита провёл рукой по глазам и покосился на ребяташек, жавшихся к бабушке.

– Как сбережём? – хмуро спросил он. – Сколь годов я там не бывал, а с такой командой как пройдем?

Бабушка Ульяна внимательно посмотрела на него.

– Вот мешок тебе, дед, на спину, – проговорила она так, точно сборы были самые обыкновенные, как в лес за ягодами. – На руки Павлика возьми. Сашок впереди пойдёт, вот и ему узел на спину. Так и пойдём.

Сборы были недолги, всех подгонял страх. Саша через грядки картофеля двинулся к дороге. Дед Никита, поправив верёвочные лямки своего мешка, шагнул за ним. Гришака вёл за руку Маринку. Позади всех мелкими шажками шла бабушка Ульяна, за её спиной и на груди, как в гнёздышках, в концах длинного связанного полотенца сидели Наталка и самый маленький – Ванюшка. За Маринкой, не отставая, бежала коза.

Саша и дед Никита уже перешли через улицу, как Гришака вдруг остановился и крепко сжал руку Маринки.

– Не пойдём! – сказал он, упрямо опустив голову.

– Почему? Почему не пойдёте? – испугалась бабушка Ульяна. Она взяла его за руку, но он с силой её выдернул и спрятал за спину.

– От печки не пойдём! – ещё настойчивее повторил

Гришака. – К печке она придёт, мамка-то. А нас где ей найти? Не пойдём!

– Не пойдём, – тихонько протянула за братом Маринка и прижалась к нему.

Бабушка Ульяна отчаянно взмахнула свободной рукой:

– Троица пресвятая. Ты слышишь, Никита? Что ж это будет? И ждать нам нельзя.

Дед Никита повернулся и подошёл к мальчику.

– Не балуй, – строго сказал он. – Времени на баловство нет. Понял? С часу на час те снова придут. Остатки добирать. Из-за тебя все пропадём.

Он попробовал схватить Гришаку за шиворот, но тот ловко увернулся и отбежал, продолжая держать Маринку за руку.

– Не пойдём! – крикнул он так звонко, что бабушка Ульяна схватилась за платок и надвинула его себе на уши.

Саша быстро подошёл к Гришаке.

– Гришака, – сказал он ласково. – А что, если мы твоей маме письмо оставим? Куда ей за вами приходиться, а?..

– Письмо... – повторил Гришака медленно и недоверчиво, и пальцы его, державшие руку Маринки, слегка разжались. – Какое письмо?

– А вот сейчас, – Саша говорил уже увереннее, – возьмём и напишем: «Мы ушли на Андрюшкин

остров». Она прочитает и придёт. Пойдём скорее. – И Саша направился к стоявшей невдалеке печке. Гришака с Маринкой медленно двинулись за ним.

Однако победа была завоёвана только наполовину: надо было придумать, чем и на чём писать. И быстро

Вдоль края дороги стояли молодые, опалённые пожаром, берёзы. Листья их скрутились от жара, кора закоптилась, но уцелела. Саша вытащил из кармана небольшой складной нож – подарок матери. Несколько надрезов, и в руках у него оказалась полоска бересты. Уголёк в Малинке найти было легче всего. На нежной внутренней поверхности коры Саша вывел крупными буквами: «Мама, мы на Андрюшкином острове. Приходи. Гришака, Маринка».

Для неграмотного мальчика было бы достаточно просто нацарапать какие-нибудь каракули, но Саша был не в силах обмануть доверчивых ребят. Написал он тщательно и, вложив бересту в печь надписью вверх, придавил её по бокам кирпичами, чтобы не свернулась. Он проделал это так серьёзно, что и сам наполовину готов был поверить, что кто-то прочитает его письмо. Плотно задвинув заслонку, Саша поднял с земли палочку, привязал к ней тряпку и укрепил её так, чтобы она была видна издалека.

Гришака следил за его работой, полуоткрыв от удивления рот. Упрямство постепенно исчезло с его лица, и он взглянул на Сашу с такой благодарностью, что

мальчику стало больно, и он поспешно отвернулся.

– Теперь прочитает, – Гришака потрогал тряпку на палочке и, повернувшись к Маринке, договорил: – Идём.

– Прочитает, – тоненьким голосом протянула Маринка и покорно заспешила за братом.

– Доиграетесь до немцев, – сердито проворчал дед Никита, но бабушка Ульяна, тревожно наблюдавшая за детьми, тихо сказала:

– Спасибо тебе, Сашок. А ну, идём скорее, головушки вы мои бедные.

Перейдя улицу, они огородами подошли к реке.

– Бродом пойдём, – коротко сказал дед, осторожно спустился с крутого берега на отмель и вошёл в прохладную воду.

Река в этом месте была мелкая, не выше колен. Войдя в неё, дед наклонился, ополоснул лицо и бороду, крепко отжал её и перекинул через плечо.

От реки тропинка шла сначала в прохладной тени старого дубового леса. Дед шагнул на неё осторожно, опираясь на крепкую палку. Все молчали.

– Вёрст с пяток так пройдем, – заговорил наконец дед и посмотрел вверх, точно ловил ускользавшие воспоминания. – Там две сосны стоят рядом, у них верхушки громом отбило. Там, понаправо, старый лес пойдёт, а поналево – гарь. Теперь она уж и не гарь, верно, давно лесом поросла. Молодняком этим и идти, а

там бугорок, на нём дуб старый, обгорелый, сдалека его видно. Опалило его, когда лес горел, а совсем не сгорел. От того дуба уж каждый шаг с оглядкой. Другие приметы говорить буду. Глаза мои ещё видели, как последний раз ходил поглядеть, на старое чего-то потянуло.

Остановившись, дед Никита согнул молоденькую липку, сломал её, обрезал сучки, вершину и протянул шест Саше.

– За серёдку держи, – сказал он, – провалишься – она сдержит, по ней и выберешься на твёрдое место. Не забудь. Первый идёшь.

Сердце у Саши сильно забилося, но шага он не замедлил.

Глава 6

ДОШЛИ!

По тропинке двигались в полном молчании. Даже дети притихли на руках у старших. Земля стала сырой, зелёный мох покрывал её, тропинка исчезла – видно, шли они уже нехоженными местами. Наконец высокие деревья старого леса остались позади и показались тощие, обросшие седым мхом сосны. Начиналась Адрюшкина топь.

Саша на минуту остановился. Глазам стало горячо, а в затылок точно кто-то подул холодом. «Значит, я всё-таки трус», – с отчаянием подумал он.

Дед Никита оглянулся.

– Бабка, ты тут? – спросил он, по привычке поднося руку козырьком к глазам. – Тут? Ладно. Теперь слушать меня: куда я ступлю – туда все ступайте. Поняли?

Бабушка Ульяна подошла, стараясь не показать усталости. Малыши качались у неё на перекидке, спереди и сзади, как в гнёздышках.

– Я Маринку возьму за руку, – сказала она, – а тебе, дед, Гришаку вести.

– А козу кто поведёт? – испуганно спросила Маринка.

– Маньку я поведу, – заявил Гришака, – верёвку толь-

ко мне нужно, привязать её.

Верёвочка тотчас нашлась в бабушкином кармане, и никто этому не удивился. Дети Малинки знали: у бабушки Ульяны в карманах всегда найдётся нужное. Гришака старательно обмотал верёвкой рога недовольной Маньки.

– Не балуй, – сказал он строго, – тпру-у!

Саша засмеялся, и вдруг ему стало совсем легко.

– Две сосны стоят рядом, – сообщал он. – Без верёвочек. На них прямо идти. Так?

Он шёл, ощупывая ногой каждый шаг. Все двигались за ним, ступая туда, куда он ступал – шаг в шаг. Со стороны это походило на забавную игру, но играли всерьёз.

Все молчали, даже Павлик и Наталка. Время от времени лишь раздавался мерный голос деда Никиты:

– Корни, корни ногой ущупывай. На каждое деревцо по тропке заметки клади, зарубинку малую, чтоб другой раз без сомнения идти. Да не сильно руби, чтоб чужому глазу неприметно было.

Вдруг бабушка Ульяна вскрикнула: нога её соскользнула с корня, зыбкий мох прорвался, и она сразу по пояс ушла в полужидкую трясину. Выпустив руку Маринки, она схватилась за тонкий ствол ближайшего дерева.

– Детей, детей спасайте! – крикнула она.

Саша кинулся к ней, но ступил неосторожно и сам

соскользнул в холодную грязь. Точно чьи-то липкие руки потянули его вниз, по грудь, но он крепко держался за шест, которым опирался на корни деревьев. Маринка громко заплакала.

– Ложись, – приказал дед Никита Саше, – через шест ползи!

– Детей спасайте, – снова крикнула бабушка Ульяна. Дед Никита шагнул мимо неподвижных от страха Гришаки и Маринки, нагнулся, подхватил бабушку Ульяну под руки, с усилием вытащил её, всю облепленную грязью, и поставил на корень, за который она только что держалась. Бабушка схватилась за дерево и покачнулась, но тут Наталка громко заплакала, и это сразу, придало ей силы.

– Не плачь, не плачь, дочка, – старалась она погладить Наталкину голову. – Видишь, бабка уж вызволилась.

Саша выбрался сам и стоял, тяжело дыша. Голова его кружилась так сильно, что весь лес перед ним как будто качался.

– Никита, – с трудом проговорила бабушка Ульяна, – а ну, возьми детей, я малость вздохну.

Дед поднял голову и посмотрел на солнце.

– Недолго вздыхай, бабка, – сказал он, – по болоту путь долгий.

Гришака подтянул поближе испуганную Маньку.

– Не балуй, – сказал сердито, – из болота тянуть не

стану. – Но сам отвернулся и тихонько вытер кулаком глаза.

Бабушка Ульяна взглянула на него и, вздохнув, шагнула от дерева вперёд.

– Идём, идём, сынок, – ласково повторила она. – Вот бабка и передохнула.

Саша с шестом в руке опять двинулся вперёд, ещё старательнее ощупывая корни и следя за приметамии дороги.

– Козой не скачи! – строго сказал ему дед Никита. – Ты у нас поводырь, за всех в ответе. Есть там слева дуб с развилкой? Примечаешь?

Упругий зелёный мох качался у них под ногами. Деревья, обвешанные длинными прядями серого мха, стояли, как косматые лесные чудища. Они были тонкие, не толще руки человека.

– Я ещё молодой был, – заговорил дед Никита, – а они вот такие же тонкие были, как сейчас. Мох их душил, сосёт. Так они с ним и борются, ни живые ни мёртвые. А ну, гляди хорошенько, дуб старый поправей на пригорке стоит. На него заворачивай.

И Саша заворачивал и шёл по зыбкому мху и слушал, как под ним тяжело шевелилась, хлюпала и сторожила его чёрная холодная трясина. Временами он оборачивался и смотрел на серьёзные лица детей, на осторожные движения их маленьких ног. Гришака крепко держал за руку Маринку и, сурово сдвинув брови,

следил за каждым её шагом, весь нахохлившийся и напряжённый.

Наконец мох перестал колыхаться под ногами: чувствовалось, что под ним уже не трясина, а твёрдая земля. Ещё несколько шагов, – чахлые деревья остались позади, и Саша выбежал на зелёный, покрытый не мхом, а травой бугор.

– Пришли! Пришли! – закричал он изо всех сил и, размахнувшись, пустил свой шест, как дротик, вверх. – Дедушка, пришли, – крикнул он опять и, сбросив с плеч мешок, закружился на месте, не в силах сдержать свою радость.

Дед Никита, тяжело дыша, взошёл на бугор и, осторожно отвязав полотенце, опустил Павлика на землю.

– Мать твоя крепко за тебя сегодня молилась, – сказал он сурово. – Андрюшкин это остров. Дошли.

Остров поднимался из болота высоким холмом, заросшим старыми огромными деревьями. Сосны, липы и дубы росли группами, а между ними на весёлых полянках пестрели цветы. Наполовину вкопанная в крутой склон, виднелась небольшая избушка. Крышу её покрывал плотный зелёный мох, брёвна потемнели от сырости, единственное, очень маленькое оконце поблёскивало на солнце.

Гришака, пыхтя, возился с верёвкой, запутавшейся в Манькиных рогах. Отвязав верёвку, он шлёпнул Маньку по спине.

– Ну ты, моё хозяйство, пошла! – сказал строго.

Строптивная Манька замотала головой и, зайдя сзади, неожиданно поддала Гришаке рогами так, что он покотился кувырком прямо Маринке под ноги и сбил её.

– Так тебе и надо, – сказала бабушка Ульяна. – Зачем скотину обидел?

Она уже сидела под сосной, держа проснувшегося Ванюшку на коленях. Близнецы, соскучившиеся в разлуке во время путешествия по болоту, стояли рядом, взявшись за руки, и что-то оживлённо говорили друг другу на своём языке.

– Скорей! Скорей! – торопил Саша, указывая вверх рукой. – Бабушка, вот Андрюшкина хата, тут шагов сто осталось. Скорее!

Бабушка Ульяна чуть заметно вздохнула и встала, придерживаясь за ветку рукой. Близнецы весело заковыляли впереди.

Односкатная крыша избышки низко нависала над передней стеной и так позеленела от мха, что с вершины холма её, наверное, трудно было отличить от зелёной лужайки, на которой ока стояла. Дверь была плотно закрыта, маленькое оконце с одним стеклом находилось рядом с ней, но оно было такое мутное, что Саша, прижавшись к нему лицом, ничего не мог рассмотреть внутри.

С сильно бьющимся сердцем он потянул дверную

ручку, но дверь, на которой не было ни замка, ни засова, видно, разбухла или была прижата осевшей сверху притолокой, не пошевелилась. Саша растерянно оглянулся. Все уже подходили к домику.

– Дедушка, – крикнул он, – что же делать? Дверь не открывается!

– Сейчас посмотрим, – отозвался дед Никита. Тяжело налегая на берёзовый шест, он подошёл к хате, вытащил из-за пояса топор и, крепко стукнув несколько раз по брёвнам, довольно кивнул головой.

– Ещё столько же лет выстоит. А дверь вовнутрь открывается. Её нажать нужно.

Дед с размаху надавил на дверь с такой силой, что лысина у него покраснела и на шее выступили толстые жилы. Дверь скрипнула, но не поддалась. Дети собрались около бабушки Ульяны, как цыплята около наседки, и с интересом смотрели: что будет дальше?

Дед Никита выпрямился и, тяжело дыша, отошёл от двери.

– Руби! – коротко сказал он и показал на сосенку, которая росла у самой двери. – Она тут всё равно без толку стоит.

Саша взялся за топор и неумело размахнулся. После третьего удара дед Никита протянул руку.

– Отдай! – сердито сказал он. – Чему вас в городе только учат? Пироги есть, что ли?

У Саши даже уши загорелись. «Каждый день теперь

рубить буду и научусь», – мысленно обещал он себе, а дед Никита уже снова окликнул его:

– Готово. Берись за конец. А ты, бабка, посередине. Раз-два, раз-два!

После третьего удара бревном дверь скрипнула и подалась. Ещё несколько ударов – и щель увеличилась настолько, что в неё можно было протиснуться человеку.

– Я, дедушка, я первый! – просил Саша, ещё весь красный от смущения и натуги: бревно было нелёгкое. Сердце его сильно билось, когда, нагнувшись, он пролезал в дверь. А если там, в хате, лежит скелет самого Андрюшки?

Но в маленькой комнате с печью в углу не оказалось ничего страшного. Стол из толстых грубых досок, чурбаны вместо стульев и широкие нары в полкомнаты были покрыты толстым слоем пыли, от которой Саша и дед сильно расчихались, а потолок из толстых досок был так низок, что дед Никита почти упирался в него головой.

– Зато век стояла и другой выстоит. Гляди, Сашок: такую стену ставить – троим работы хватит.

– Вы там живы? – И пёстрая юбка бабушки Ульяны показалась в двери. – Ребят кормить надо, спать им уж пора. Там Гришака с Маринкой сушняку на костёр таскают, а ты, Сашок, беги за водой, я их до того клятого болота боюсь допустить. А это не для нас наготовле-

но? – Зоркие бабушкины глаза заметили наполу около печки несколько горшков разного размера и ухват в углу. Похоже было, что хозяин хаты оставил её ненадолго, но ему не пришлось вернуться: на стене висело старинное охотничье ружьё, только не нашлось ничего из одежды. Саше страшно хотелось скорее рассмотреть ружьё, но бабушка Ульяна, держа в руках запылённый горшок, кивнула ему головой.

– Беги, беги скорее за водой, Сашок: костёр прогорает, а картошку не в чем варить.

С ведёрком в руках Саша проворно сбежал по склону холма вниз, к маленькому озерку в болотистых берегах. Вода в нём была чистая и прозрачная, хотя сильно заросла кувшинкой. Стайка уток поднялась недалеке и тут же опустилась в болотной чаще.

Саша бросился было за ними по берегу, но, взглянув на ведёрко, вздохнул и, зачерпнув воды, побежал наверх к дому, возле которого поднимался дымок их первого костра. Гришака, перемазанный сажей, раздувал огонь с таким усердием, что на его щёки страшно было смотреть: вот-вот лопнут. Под конец он и вовсе закашлялся до слёз.

Близнецы, стоя поодаль, смотрели на него с завистью и уважением: к костру он их не подпускал.

– А где же бабушка? – спросил Саша, ставя ведёрко у костра.

– Хату прибирает, – сообщил Гришака. – А тебе ба-

бушка велела картошку мыть и варить, мне – костёр раздуть, а Маринке – Ванятку нянчить.

– А им? – Саша, улыбаясь, показал на близнецов.

– А они ни к чему не надобны, – и Гришака пренебрежительно тряхнул головой. – Только что картошку есть.

– Калтоску, – заторопился Павлик, услышав знакомое слово.

– Калтоску, – повторила Наталка.

– Есть! – договорили они дружно и придвинулись к костру, поближе к Саше: Гришаки они немножко побавивались.

Услышав разговор детей, из избушки вышла бабушка Ульяна.

– Вот и хорошо, – проговорила она. – Сейчас картошки напечём да наварим и поужинаем. А Манька где? На ночь и её в хату заберём, чтобы нас волки без молока не оставили.

Солнце почти спряталось за верхушки сосен, когда вся семья расположилась ужинать у костра. В ведёрке дымилась картошка, на листе лопуха лежала щепотка крупной соли, а глиняный горшочек из Андрюшкиной хаты был полон парного молока. Коза Манька, привязанная неподалёку от костра, тоже жевала траву с аппетитом.

С ужином быстро покончили. Маленький Ванятка крепко заснул в хате на нарах. Близнецы, сытые и при-

гретые теплом от костра, прикорнули тут же на тёплой земле. Саша помог бабушке Ульяне отнести их в избушку, привязал Маньку к ножке стола, залил водой тлеющие головешки и очень обрадовался, когда бабушка Ульяна, наконец, сказала:

– Ладно, Сашок, давай уж и мы с тобой ляжем.

Дверь, подлаженная дедом Никитой, легко повернулась на деревянных шпёнках, и бабушка Ульяна задвинула её изнутри тяжёлым деревянным засовом. Теперь можно было спать спокойно: человек не найдёт их хату, а зверь не сможет в неё пробраться.

Ложась на пол около бабушки Ульяны, Саша нашёл её руку и застенчиво поцеловал. Старушка молча обняла рукой его голову и тоже крепко поцеловала. Через минуту, измученные горем, усталые, все в хате крепко спали. Ворочалась и тяжело вздыхала одна бабушка Ульяна.

Глава 7

АНДРЕЙКА!

Утром Саша, открыв глаза, не нашёл около себя бабушки Ульяны. Манька тоже исчезла. Сквозь открытую дверь в хату тянуло свежим утренним воздухом. В одну минуту Саша натянул курточку и выскочил на лужайку. Посредине её по-вчерашнему горел костёр, над ним кипело что-то в ведёрке, а бабушка Ульяна с горшочком в руках вертелась возле Маньки, которая была привязана к колышку.

– А ну, постой, а ну, постой немножко, – уговаривала она упрямую козу, но та так ловко поворачивалась, что бабушка всюду натыкалась на её рогатую голову.

Саша быстро подтянул Маньку к себе и крепко взял её за рога.

– Готово, бабушка, – весело сказал он.

Коза сердито попробовала помотать головой, но, убедившись, что вырваться не удастся, притихла.

– Вот и ладно, вот и ладно, – говорила бабушка Ульяна, подсаживаясь к ней. – Вот и... – Бац! Манькина покорность оказалась хитростью. Опустив голову, она неожиданно брыкнула так ловко, что пустой горшочек, выбитый из бабушкиных рук, покатился по траве.

– Я, бабушка, сейчас – раздался детский голос, и Ма-

ринка в одной рубашонке выбежала из дверей. – Манька, Манька моя, – ласково звала она, протягивая руки. И упрямая коза тотчас же подошла, упёрлась лбом в белую рубашку и успокоилась. – Вот и доить теперь можно, – сказала Маринка и почесала козу за чёрным ухом. – Мы её с мамкой всегда так доили, – добавила она тихо и обняла рогатую голову.

Близнецы, держась за руки, стояли около бабушки. Каждый засунул в рот указательный палец свободной руки и с большим интересом следил, как быстро наполняется горшочек в бабушкиных умелых руках.

В ведёрке вдруг так бурно забулькало, что вода полилась через край.

Близнецы разом повернули головы и, не выпуская пальцев изо рта, прислушались.

– Калтоска... – произнёс невнятно Павлик и посмотрел на Наталку. Оба радостно засмеялись.

– Сейчас есть будем, сейчас! – отозвалась бабушка Ульяна и, осторожно поставив горшочек на ровное место, нагнулась над ведром и потыкала щепкой толстую картофелину. – Сейчас доспеет. А ну, Гришака, зови деда, пока картошка горячая.

Дождавшись, когда все собрались у костра, бабушка Ульяна высыпала картофелины на полотенце и сказала со вздохом:

– Что коня без отдыха гонять, – скоро съездится, то и нашей картошки по три раза на день – ненадолго хва-

тит.

– Ещё сходить надо, – отозвался дед Никита, аккуратно подбирая с ладони рассыпчатую картошку. – Нога у меня только вот...

– Сходим, дедушка, – с готовностью откликнулся Саша и положил очищенную картофелину обратно на полотенце, как будто сразу собрался бежать. – А если у тебя нога болит, я даже... я даже один могу сходить, – выпалил он для самого себя так неожиданно, что и сам растерялся.

Но дед Никита сердито тряхнул головой и подальше закинул на плечо бороду.

– Вместе пойдём, – сказал он, тяжело поднимаясь с земли. – Хоть и метки на дорогу положены, а ты не очень хвастай, не любит она этого, топь-то!

Маринка собрала картофельную шелуху в пустой горшок, и близнецы, внимательно следившие за ней, разом протянули руки и взялись за края горшка.

– Сами, – начал Павлик.

– Дадим, – договорила Наталка и, переваливаясь и дёргая горшок в разные стороны, они направились к колышку, у которого Манька сердито трясла головой, стараясь сбросить с рогов крепко привязанную верёвку.

– Долго не ходите, – сказала бабушка Ульяна, обращаясь к деду Никите и Саше. Губы её задрожали, и она на минуту замолчала. – Да по сторонам лучше смотри-

те, не то пропадёте, и малые мои тут пропадут: не сбегу их я, одна-то...

Саша подошёл и крепко обнял её.

– Хорошая ты какая, бабушка, – проговорил он, – как мама. Она тоже всё о других думает.

– А про кого же мне думать-то? – искренне удивилась бабушка Ульяна. – Вот вам мешки, верёвку Манькину тоже возьмите, за ней днём и так ребята доглядят, а вам сгодится.

Спускаясь с холма на зелёный зыбкий мох, Саша вёл себя увереннее. Многочисленные отметки на тощих сосенках смотрели, точно дружеские глаза, предупреждая об опасности, и, глядя на них, Саша уже не чувствовал себя таким беспомощным, как в первый раз.

Он готов был верить, что страшная Андрюшкина топь почти подружилась с ним, и с трудом сдерживал шаг, так как видел, что дед Никита едва за ним поспевает.

– По хоженому иди, – предупреждал старик, тяжело налегая на палку. – Хоженое, оно теперь нам друг, насметками привечает. А нехоженое злыми окнами стережёт.

Саша удивился: мысли старика совпадали с его собственными. Зарубки, сделанные им внизу, у самой земли, отмечали километр за километром.

Когда тропинка вывела их к берегу Малинки-реки,

дед Никита тронул Сашу за плечо.

– Хорошенько смотри, Сашок, – тихо проговорил он. – Хорошенько смотри. – А то на немцев как бы не наскочить.

Саша, не отвечая, схватил деда за руку, и оба они поспешно пригнулись за кустом: тяжёлые шаги и треск веток слышались так близко, что у них захватило дыхание.

– Му-у-у... – жалобно раздалось за кустами. Рыжая корова с глубоким, как у быка, подгрудком и белой звёздочкой на лбу высунулась из кустов и стояла, недоверчиво косясь блестящим карим глазом. Напуганная всем происшедшим, она дичилась, боясь подойти ближе.

– Ой, дедушка, смотри! – и Саша в волнении так взмахнул руками, что корова испуганно попятилась назад, зад в кусты. – Смотри! Мы её домой уведём, на остров, хорошо?

– Ну, леший, а не корова, – проворчал дед и облегчённо вздохнул. – Далось ей из кустов лезть. Я так и думал – немцы. Дарёнкина это Рыжуха, пускай Дарёнкиных ребят и продовольствует.

– Му-у-у... – опять послышалось мычание, но ещё более низкое, и рядом с рыжей появилась огромная чёрная голова с широкими крутыми рогами.

– Мишка! – взволнованно воскликнул дед Никита. – Совхозный бык, нам на время даден. Жалко, порежут,

его волки, ну да людей больше пропало! – И, махнув рукой, старик отвернулся.

Держа верёвку за спиной, Саша подходил к Рыжухе. Она попятилась и тихо замычала, словно жалуясь и прося помощи. Саша спокойно заговорил с ней и, протянув руку, осторожно погладил шелковистую кожу на шее. Рыжуха вздрогнула, но верёвочная петля уже скользнула на рога, а другой конец верёвки Саша прочно привязал к дереву.

– Бык-то нам на мясо сгодился бы, – сказал дед Никита. – Он от Рыжухи не отстанет. Пойдём пока в огород, а там подумаем.

Речная вода приятно охлаждала ноги. Деревня, вернее место, на котором была деревня, казалось совершенно пустынным. Дарёнкин огород начинался от самой реки, и копать можно было почти у самого берега.

– Дедушка, смотри! – Саша, нагнувшись, сразу вырвал два куста и тряхнул ими в воздухе. На корнях гроздьями висели крупные картофелины.

– Богатство-то какое! – сокрушался дед Никита. – Копать-то – в раз накопаем. А вот как таскать станем?

Но Саше пришла мысль, от которой он даже подпрыгнул.

– А мы один мешок на Рыжуху, а другой на Мишку, – воскликнул он. – Полные мешки наберём, они донесут. Он смиренный, Мишка? Не бодается?

Дед Никита одобрительно кивнул головой.

– Ладно ты придумал, молодец. Мишка, он даром что бык, а смиреннее телёнка. Вот если утонут только, да ещё с картошкой...

– По меткам пойдём, дедушка, – уверенно сказал Саша. – Я теперь... – однако он вовремя вспомнил, что топь не любит хвастовства. – По меткам пойдём, – повторил он, – давай сыпать полнее.

– Довольно, – остановил дед Никита. – А то его впекидку не положишь. А ну, пособи поднять.

– Я... я не думал, что картошка такая тяжёлая, – проговорил через некоторое время Саша. Он, стоял, еле переводя дух, около мешка, который только что перенёс через реку. – Она такая тяжёлая, как камни. Правда, дедушка?

– Есть легче, чем несть, – отозвался дед и, поставив мешок на землю, рукавом вытер мокрый лоб.

Рыжуха помотала головой, но быстро примирилась с тяжёлым мешком, который дед Никита ловко приладил ей на спину. Мишка сердито засопел и погрозил рогами, но, увидев, что Рыжуха спокойно тронулась с ношей по тропинке, согласился следовать за ней даже без верёвки.

Дед Никита шёл, опустив голову. Саша не решался с ним заговорить первый, и они молчали, пока перед ними не встали первые зловещие сосны Андрюшкиной топи.

– Верёвку Рыжухину на руку не мотай, – коротко на-

помнил дед Никита и остановился перевести дух. – Неровен час, тебя за собой потянет.

Мишка и Рыжуха инстинктом почувствовали опасность. Раньше они шли спокойно и доверчиво, ступив же на трясину, фыркали и принюхивались к каждому шагу, часто останавливались и пробовали зыбкую почву ногой. А выйдя на твёрдую землю Андрюшкиного острова, радостно замычали и ускорили шаг.

Бабушка Ульяна сидела на пороге домика и чистила грибы, собранные Гришакой и Маринкой. Услышав мычанье Рыжухи, она подняла голову и, всплеснув руками, вскочила. Грибы высыпались на землю, но Гришака и Маринка на это не обиделись: они уже бежали вперегонки навстречу неожиданным гостям.

– Рыжуха! Рыжуня! – крикнула бабушка Ульяна и не то засмеялась, не то заплакала, а рыжая корова вырвала верёвку из Сашиных рук и с жалобным мычанием побежала ей навстречу. Мешок с картошкой сполз у неё под живот, хлопал по ногам.

– Да бедная ж ты моя, – наклонилась бабушка Ульяна, ощупывая твёрдое, как камень, вымя. – Сейчас я тебя подою, только вот беда, все горшки под молоко пойдут!

Через минуту струйки молока зазвенели о стенки чугунка, взбивая белую пену. Ребята окружили корову, глотая слюнки, а огромная Рыжуха стояла как вкопанная и громко вздыхала от облегчения.

– Кому молоко, Сашок, а нам забота, сарай ставить, – сказал дед Никита, опускаясь на землю, неподалёку от бабушки.

– Построим, дедушка, – отозвался Саша. Ему и правда начинало казаться, что для них с дедом нет ничего невозможного. И, забывая об усталости, он вскочил, готовый приняться за дело. Ему так было легче: забота о новом гнезде на их удивительном острове отгоняла грустные мысли о Малинке, о маме.

– Что ж, можно, – согласился дед. – Только не сейчас. Мои ноги не хотят так скоро бегать. А ты у меня один помощник остался. Эх, Андрейка ты мой, Андрейка, неприкрытый лежишь! – Дед Никита махнул рукой и отвернулся.

Отойдя от него, Саша задумался. Большое горе у деда. Андрейка, единственный его правнук, лежит там, на полянке. И Мотя, и маленький Ивашка...

Саша взглянул вверх на солнце, что-то рассчитывая, тряхнул головой и быстро направился к дому. Дед Никита не пошевелился и головы не повернул ему вслед.

Бабушка Ульяна хозяйничала в избе. Маринка и Гришака пасли козу, малыши копались в песке и о чём-то весело спорили.

Саша постоял немного в нерешительности, потом вошёл в дом и взял стоявшую у стены лопату.

– Бабушка, – сказал он, – я хочу немножко по острову походить. Я ненадолго.

– Хорошо, хорошо, – рассеянно отозвалась бабушка Ульяна, занятая своим делом. – По болоту только, Сашок, не ходи один, долго ли до греха.

– Я недолго, – повторил Саша и с лопатой на плече медленно спустился под горку. Оглянулся и, убедившись, что за ним никто не следит, круто повернул на знакомую дорогу к Малинке.

Километр за километром... вот и тропинка, ведущая к берегу Малинки и печным трубам на той стороне... Но Саша не пошёл по ней. Он на минуту остановился, вздохнул и почти бегом бросился в сторону, по направлению к старому дубу на поляне.

– Не могу, что они там лежат незакопанные, – прошептал он. И ещё раз повторил почти громко: – Страшно. Очень. И всё равно не могу!

Теперь он не бежал, а шёл, осторожно, ко всему прислушиваясь. Полянки не перебегал, а обходил стороной, прячась за кустами. Немцы были на той стороне. Они могли оказаться и на этой...

Перед самой поляной с дубом он остановился и стоял долго, то удерживая дыхание, то тяжело вздыхая. Вдруг вздрогнул: совсем близко послышался тихий, очень тихий стон.

Схватив руками ветки орехового куста, Саша прижал их к груди, словно защищая себя. Затем медленно опустился на четвереньки и пополз, прижимаясь к земле.

Стон повторился. Было ясно: он шёл с полянки, от

дуба...

Саша прополз несколько шагов, чуть приподнялся, выглянул из-за старого, обросшего побегами липового пня и тут же рукой зажал себе рот, чтобы не крикнуть. Три фигурки лежали, как упали тогда, и над ними уж вились рои мух. Но одна, в синей рубашке с надорванным рукавом, пошевелилась. Опять раздался тихий, чуть слышный стон.

– Пить! – расслышал Саша.

Забыв об осторожности, он вскочил и, подбежав к лежащему, опустился на колени.

– Андрейка! – позвал он, наклонившись, и повторил: – Андрейка, это я, Саша!

Андрейка пошевелился, с усилием открыл глаза, посмотрел на Сашу, но, видимо, не узнал его.

– Пить! – повторил он чужим голосом. – Пить!

Саша привстал и осмотрелся. Воды здесь нет до самой Малинки. Как быть?

Андрейка снова застонал и закрыл глаза. Саша оглянулся на остальных... Нет! Теперь об этом и думать нельзя. Надо спасти Андрейку. И скорее! Он опять повернулся к мальчику. Волосы его слиплись от засохшей крови, глаза ввалились, дыхание было едва заметным. Нагнувшись, Саша осторожно подsunул руки под спину Андрейки и приподнял, почти посадил его. Затем, стоя на коленях, потянул его себе на спину и медленно встал. Андрейка повис на его спине, уронив

голову ему на плечо, и застонал громче: видимо, боль усилилась. Саша, стиснув зубы и, стараясь ступать как можно ровнее, пошёл по тропинке.

Ему казалось, что лес полон немцев, которые слышат Андрейкины стоны, может быть, стерегут вон там, за кустами. Но мысль оставить Андрейку и бежать одному ни разу не пришла Саше в голову.

Он шёл быстро и уверенно. Даже колыхающийся мох почти не пугал его.

– Только бы успеть! Только бы успеть! – тихонько повторял он про себя и вздрагивал от каждого своего неловкого шага, на который отвечал тихий стон за спиной.

Тем временем на Андрюшкином острове в поисках Саши все сбились с ног.

– Саша! Сашок! – кричали дед Никита, бабушка Ульяна и Маринка с Гришакой.

– Саса! – пищали близнецы и, держась за руки, затопали было вниз по горке к болоту, но бабушка Ульяна перехватила их.

– Маринка, ты хоть с них глаз не спускай, – сказала она, – если и эти пропадут, я вообще ума решусь. Не иначе, как Сашка трясина затянула. – Сама она продолжала бегать по острову и звать уже охрипшим голосом: – Сашок! А ну, Сашок, отзовись! Сашок!

Наконец, выбившись из сил, старики вернулись к тропинке, ведущей в Малинку, и молча стали рядом, опустив головы. Гришака подошёл сзади к бабушке Ульяне и хотел что-то сказать, как вдруг бросился вперёд и, дёргая её за юбку, закричал:

– Идёт! Идёт! Несёт кого-то!

Тяжело шагая и пошатываясь, Саша едва ступил на твёрдую землю, остановился.

– Возьмите! Скорее! – сказал он охрипшим голосом. – Я больше не могу!

Бабушка Ульяна сбежала с холма и только успела подхватить Андрейку и положить его на траву, как Саша опустился рядом с ним.

– Саша! – окликнула его бабушка. Но мальчик на отозвался. Он дышал мерно и спокойно. Спал.

– Не трожь! – прошептала бабушка Ульяна, отстраня дрожащие руки Никиты. – Успокоиться надо обоим, А ну, я сейчас достану.

Но на этот раз руки её не искали карманов в юбке. Она торопливо спустилась с холма к озеру и долго ходила по берегу, наклоняясь и раздвигая руками стебли тростника. Возвратилась бабушка Ульяна, держа в руках пучок какой-то травы. Проворно растерев сочные стебли между двумя камешками и положив их на тряпочку, она обвязала ею голову Андрейки так осторожно, что мальчик не пошевелился.

– Маринка, возьми ветку и мух от них гоняй, – распорядилась она. – Голова у него, должно, не пробита, по верху чиркнуло.

Как Саша вечером оказался на охапке мягкого мха в Андрюшкиной хате, рядом с Андрейкой, этого он потом не мог вспомнить. Но на всю жизнь он запомнил дро-

жащий голос деда Никиты, услышанный им как сквозь сон:

– Сашок, родной, спасибо тебе!

– Где я? – Андрейка сказал это тихим ясным голосом и с удивлением посмотрел на бабушку Ульяну: что с ней?

Но бабушка быстро отняла руки от лица, вытерла глаза и улыбнулась.

– С радости это я, голубчик мой, думала, что хоть ты живой будешь, а в уме повредишься. А теперь вижу, – скоро боль от тебя отстанет. Повремени малость, ни о чём не спрашивай. Жив ты, слава богу.

Но Андрейка и сам устал, как от долгого разговора. Он улыбнулся, закрыл глаза и через минуту опять уснул, но уже спокойным сном выздоравливающего.

Дверь медленно отворилась, и на пороге появились близнецы. Они вошли тихонько, на цыпочках. За эту неделю они твёрдо усвоили, что шуметь в хате, где лежит Андрейка, значит получить хороший шлёпок. Но на этот раз каждая морщинка на лице бабушки смеялась, и дети, сразу осмелев, перебежали хату и ухватились за концы бабушкиного передника.

– Андрейка заговорил! Андрейка живой будет! – быстро зашептала она и, взяв детей за плечи, повернула их к двери. – Бегите к деду скорее! Скажите: Андрейка заговорил!

Павлик схватил Наталку за руку, и оба, перевалива-

ясь и толкаясь, заспешили к двери, перекатились на животах через высокий порог и бегом побежали выполнять задание.

Дед Никита и Саша были около дома – пристраивали к нему маленький сарайчик для скотины. Работа по-двигалась медленно: то тот, то другой, бросив пилу или топор, шёл заглянуть в приотворённую дверь на больного.

Сейчас дед только взялся было за бревно, собираясь поднять его, как почувствовал, что его теребят и тянут маленькие руки.

– Уйдите, озорники, – крикнул он, – зашибу! – Но руки не отцеплялись.

– Баба! Андлейка за... – начал торопливо Павлик и даже не оглянулся на Наталку: ему захотелось договорить всё самому. – Андрейка за... – начал он сначала, но трудное слово никак не хотело выговариваться.

– Вивил! – вмешалась Наталка и ещё сильнее затеребила деда.

– Вот с вами и разберись, – ворчал дед, осторожно опуская бревно.

– Иду, иду! Ну, бабка, нашла кого посылать!

А Саша, бросив свой конец бревна, уже стоял на пороге хаты, взглядом спрашивая бабушку Ульяну.

– Заговорил! – повторила она и ему и радостно улыбнулась: – Жив будет и в уме не повредился.

Андрейка пошевелился.

– Уходите! – замахала рукой бабушка Ульяна. – Все уходите! Теперь у него разум, как у малого ребёнка. Пускай потихоньку подрастает.

Это был счастливый вечер. Ужинали на дворе, чтобы не утомить Андрейку. Но через каждые несколько минут кто-нибудь из ребят подбегал к дому и заглядывал в оконце.

– Глядит, – докладывал он, возвращаясь.

– Рукой пошевелил!

– На бок повернулся!

– Не мешайте ему, – сердилась бабушка Ульяна. – Ногу человек сломает, и то ему покой требуется. А тут чуток головы малый не лишился.

Андрейка встал с постели через неделю после того, как пришёл в себя. Он сильно вытянулся и похудел. В голубых глазах исчезли весёлые искорки. Самое тяжёлое было то, что он не спрашивал о матери, а молча, пристально смотрел на Сашу и на стариков. Он очень подружился с Гришакой, и они подолгу шептались о чём-то, когда Саша выводил Андрейку из хаты и усаживал его на сухом, пригретом солнцем пригорке.

– Вы о чём же это, ребятки, толкуете? – спросила как-то их бабушка Ульяна и ласково провела руками по светлым головёнкам.

– Так, – уклончиво ответил Андрейка, а Гришака молча отвернулся.

На следующий день Саша выждал, когда Гришака

подошёл к Андреijke, и тихонько приблизился к ним сзади. Мальчуганы, увлечённые разговором, не заметили этого.

– Придёт! – убеждённо сказал Гришака. – Мать придёт к печке. И письмо увидит.

Андрейка внимательно слушал его, обхватив колени тонкими слабыми руками.

– А про меня как узнает? – с сомнением спросил он.

– Этакий ты непонятный, – нетерпеливо проговорил Гришака и хлопнул ладошкой по земле. – Печка-то ваша где стоит? Возле нашей, как хаты стояли. Твоя к печке придёт, а моя уж там. Письмо враз найдут. Понял? И узнают. Я потому и ушёл, что письмо там. А то разве бы ушёл? Потому она придёт, а мы где?

Саша повернулся и тихо отошёл, глаза защипало, к горлу подступил комок. Не сразу смог рассказать бабушке Ульяне. Она выслушала и вздохнула.

– Не мешай им, – посоветовала. – Они друг другу скорей помогут.

Глава 8

ОПЯТЬ ОНИ!

В это утро дед Никита и Саша собрались в Малинку за картошкой, едва рассвело и стали видны зарубки на деревьях.

– Рысаков наших обоих заберём, – распорядился дед. – В паре им веселее.

Бабушка Ульяна насчёт Мишки не спорила, а Рыжуху отпустила неохотно:

– Ещё утопите нашу кормилицу, а я что с малышами делать буду? – говорила она.

– Не бойся, бабка, – успокаивал дед Никита. – Скотина, она человека приметливее, поди, каждый поворот лучше нашего затвердила. Зато картошки, сама понимаешь, на двух спинах привезём.

– Так-то оно так, – огорчённо соглашалась бабушка Ульяна. – Только вы больше не на них, а на свои приметы полагайтесь.

Рыжухе утренняя прогулка была не особенно по вкусу, она с шумом нюхала воздух и землю на тропинке, упиралась и жалобно мычала.

– Чует неладное, – тревожно проговорила бабушка Ульяна, стоя на пригорке.

Но пара варёных картошек улучшила настроение:

Рыжуха вздохнула и пошла по тропинке. Мишка уверенно шагал сзади, и это её окончательно успокоило.

Саша, как всегда, шёл первый. Уговаривая и успокаивая Рыжуху, он почти не заметил, как кончилось болото и за рекой завиднелись огороды Малинки. Мальчик невольно остановился, взял за руку деда Никиту и тихонько к нему прижался.

Старик удивлённо покосился, но понял, неумело погладил его по голове.

– Как взгляну, самому сердце рвёт, – пробормотал он. – Лошадок наших, гляди, крепче привязывай, как бы налегке домой не подались. Теперь сюда, правее ступай, тут брод мелкий.

«Страшно, а всё равно нужно», – напомнил себе Саша, спускаясь к реке, и на душе у него стало как будто легче.

Копать начали в огороде у самой реки – носить на тот берег отсюда было близко.

– Как картошка быстро выросла! – удивлялся Саша. – Смотри, дедушка, несколько дней не копали, а она уж с кулак ростом!

– Уродилась на славу, да не на счастье людское, – отозвался старик. – Ну, мешок готов, бери верёвочку, завязывай, Сашок.

Саша не пошевелился. Он стоял, не отводя глаз от чего-то вдаль, вздрогнул и схватил деда за рукав.

– Дедушка, – прошептал он. – Вон там, у самого ле-

са, дом стоит. Не сожгли его. Как мы его раньше не видели?

– Где? Где? – заторопился дед и, уронив верёвочку, приставил руку козырьком к глазам. – У леса, говоришь? Так это же наша кузня. Отец мой ещё... Его руками ставлена. Не усмотрели её те, проклятые, не спалили. А ну, кидай мешок, бежим. Припас там кузнецкий весь покинут.

Продолжая говорить, дед поспешил на дорогу и почти бежал по ней, увлекая за собой Сашу.

Низенькая, крытая соломой кузница стояла на опушке леса, возле спуска к реке. Сквозь широко распахнутые ворота виднелся остывший горн. Тяжёлый молот прислонился к наковальне, на ней лежал маленький молоток-ручник рядом с клещами. В клещах зажата какая-то железка.

Дед Никита, тяжело дыша, остановился у входа.

– Полжизни молотом в этой кузне ковано, – проговорил он, будто самому себе. – Хорошо, хоть Николай-кузнец жив остался, – повернулся он к Саше. – Тот, за которым Федоска ушёл. Ему я кузнечный припас свой оставил. Золотые руки у парня.

Дед Никита вдруг поднял молот и с неожиданным проворством так сильно взмахнул им, что Саша невольно отскочил в сторону.

– Бывало, орешек расколю – ядрышка не попорчу, – усмехнулся дед. – Ну, Сашок, поворачивайся, кой-чего

с собой заберём. Петли на дверь будет чем сделать. Опять и гвоздей наковать не лишнее.

В углу кузницы почти до потолка возвышалась груда мешков с углём. Саша повернулся, собираясь отыскать пустой мешок, и случайно взглянул в окно. Тихо охнув, он тут же отскочил в глубь кузницы.

– Дедушка, – зашептал взволнованно. – Опять! Сюда идут!

По дороге, хорошо видные в лучах утреннего солнца, шагали три фигуры в защитных комбинезонах. Они ещё были далеко, но выйти из кузницы на дорогу, было уже невозможно. Ближе, ближе... и вот ветер донёс до кузницы обрывки немецкой речи.

Дед Никита не успел ещё сообразить, что делать, как Саша схватил его за руку.

– Сюда, дедушка, сюда, прячься!

Они едва протиснулись между стеной и мешками, как шаги и голоса послышались у самого входа.

– Ну что? Разве не моя правда? – говорил один по-немецки. – Чистая работа, никого не осталось. Можем сразу отправляться обратно.

Голос показался Саше знакомым, он не выдержал: приподнявшись, осторожно выглянул в просвет между мешками и тут же быстро присел. Тот, который у дуба с филином был. Шрам стягивал левую щеку немца, казалось, что на лице его застыла зловещая кривая улыбка.

– Поворачиваем обратно, – продолжал тот же голос. – Путь не близкий, а эта глушь мне больше не нравится. Что ты делаешь, Куно? Стой!

– Маленький фейерверк, – со смехом отозвался другой голос, – чтобы старая развалина не портила вида

– Глупее ничего не придумал! – раздражённо крикнул третий.

– На всю округу иллюминацию устроил. Здравствуйте, мы тут! Теперь уходите и побыстрее. Всё равно эту чёртову зажигалку уже не затушишь.

Голоса и шаги немцев зазвучали глуше и наконец смолкли вдали. В кузнице послышалось какое-то странное шипение, треск, и воздух сразу сделался нестерпимо горячим и душным.

Дед Никита осторожно выглянул из-за мешков и схватил Сашу за руку.

– Выбирайся! – крикнул он. – Горим!

Глотая дым, они выбрались из укрытия и бросились в другой угол кузницы. Мешки пылали. Дым клубами тянулся в открытые двери, в них ещё можно было выскочить, но немцы шли по дороге, непрестанно оборачиваясь.

– Окошко! – крикнул Саша. – К лесу вылезем, не увидят!

– Стой! – закашлялся дед. – Припас кузнечный выкину, не дам ему погореть! – И, закрываясь рукой от огня, он шагнул к наковальне, размахнулся. Тяжёлый молот

с грохотом вылетел в окошко, унося за собой осколки рамы и стекла.

– Лезь! – приказал дед и, схватив неподвижно стоявшего Сашу, просунул его до пояса в окно. Мальчик вскрикнул от неожиданности и вывалился из окна головой в высокую прохладную траву, но тут же проворно вскочил на ноги.

– Дедушка! Сам лезь! Сгоришь! – отчаянно крикнул он, не думая, что его могут услышать немцы.

– Отступись! – послышался в ответ хриплый голос деда, и Саша еле успел уклониться от стремительно вылетевшего в окно ручника.

В густом дыму мелькала фигура старика. Закрываясь от наступающего огня большим кожаным фартуком, он хватал и выбрасывал в окно какие-то предметы. Они падали в густую траву, заглушавшую железный лязг.

– Дедушка! – со слезами кричал Саша, то подбегая к окну, то отскакивая. – Дедушка, сгоришь!

Наконец в окно просунулась багровая от жары и кашля голова деда Никиты.

– Не пролезу, – захрипел он.

– Плечом, плечом лезь! – крикнул Саша. – За руки меня хватай! Вот! – Уцепившись за руки старика, мальчик потянул, что было сил, упираясь ногами в стену...

Несколько минут борьба за жизнь шла в полном молчании, слышался лишь треск и гул огня в кузнице.

Саше казалось, что его руки вот-вот оторвутся. Ещё, ещё... Вдруг дед Никита двинулся и, увлекая за собой мальчика, грузно вывалился на траву. Завивающийся язык пламени, смешанного с дымом, вырвался из окна, словно в погоне за ускользнувшей добычей.

– Вниз, к речке, ползи, – прохрипел дед Никита. Они скатились с откоса прямо в реку и окунули пылающие лица в прохладную воду Малинки. Она освежала обожжённую кожу, тушила тлеющую одежду. Задыхаясь, они поднимали головы и, глубоко вдохнув свежий воздух, опять опускали лица в воду.

Но вот дед Никита выпрямился, расстегнул воротник рубашки и, – Саша даже глаза вытаращил от удивления, – заботливо вытянул из-под неё бороду и перекинул её на плечо. Затем он погрозил кулаком в сторону, куда скрылись немцы, и произнёс:

– Не добрались до моей бороды, чёртовы дети! Чуть сам не сгорел, а её сберёг. – Дед Никита ещё раз окунул опалённое лицо в воду и, поднимаясь на ноги, сказал уже озабоченно: – Гляди в оба, Сашок, не вернулись бы те разбойники. Наше дело с огорода мешки забрать, пока они их не заметили, и домой подаваться. А за кузнечным припасом уже другой раз придём, никуда он не денется, в траве полежит. Эх, жалко кузни, отцова память... Да людей тут сколько погублено, где уж об стенах печалиться.

– Они не вернуться больше, дедушка, – Саша подо-

шёл к мешкам. – Старший очень бранил того, что зажигалку кинул. Говорил, дым покажет, где они находятся, а им надо было потихоньку. Наверно, партизан боятся.

– Может, и так, – согласился дед Никита. – А всё-таки от беды подальше.

Переносить мешки на другой берег было трудно: хотя Сашина курточка и дедова рубаха уцелели, но кожа на спине и плечах воспалилась и болела.

Дед Никита быстро перекинул мешок Саши на свои плечи.

– Иди, Сашок, вперёд, брод указывай, – сказал он твёрдо.

Саша ничего не посмел возразить.

Домой по знакомой дорожке Мишка с Рыжухой шагали охотно и проворно, точно не их вели, а они показывали дорогу.

Вот и конец тропинки. У самого берега острова стоит бабушка Ульяна и напряжённо всматривается вдаль.

– Слава богу! – только и вымолвила она, всплеснув руками. – Где же вы их встретили? Да как спаслись?

– От тебя, бабка, не скроешься, – опустил на землю мешки дед Никита и, пошатнувшись, присел сам.

– Не видали они нас, счастье наше. И ушли. Говорили, будто совсем. Сашок их клятую речь понимает. А что было, – дай передохнуть, всё расскажу. – И, прислонившись к дереву, дед опустил голову и закрыл глаза.

– Ложись, ложись и ты, Сашок, – заторопилась бабушка Ульяна и потянула Рыжуху за верёвку. – Счастье наше, живые добрались, и на том вам великое спасибо.

Глава 9

ВОЙНА ВОКРУГ НАС КРУЖИТ...

Подготовка к зиме шла своим чередом, и в дружной семье никто не оставался без дела. Бабушка Ульяна с Андрейкой ухитрилась выкопать погреб для картошки, пока дед Никита с Сашей её ежедневно копали в огородах Малинки, а Мишка и Рыжуха перетаскивали на остров мешок за мешком.

– Вот, добро, – сказал как-то дед Никита, привязывая на широкую спину быка перекидной мешок, – отрабатается бычок, а как станут морозы, нарежем и мяса наморозим на целую зиму.

Саша даже лопату из рук выронил. Что? Съесть Мишку? Нет уж, этого не будет!

– Дедушка, – заговорил он дрожащим голосом. – Дедушка, я сена сам наготовлю много. Только Мишку нельзя есть, дедушка. Мишка нам друг.

– Это бык-то друг? – удивился дед Никита. – Никогда такого не слышал. Ну ладно, наготовишь сена, – бережёшь своего друга.

– Спасибо, дедушка, – обрадовался Саша и, обхватив руками Мишкину шею, прижался щекой к его блестящей чёрной щеке. Он поцеловал бы его, да боялся дедовой насмешки. Мишка принял ласку благосклон-

но: наклонив тяжёлую голову, дружески подтолкнул Сашу широким лбом так, что тот отлетел шага на три в сторону и едва устоял на ногах.

– Не балуй! – строго крикнул дед Никита Саше и, размахнувшись лопатой, стукнул Мишку по широкой спине. – Где это видано – с быком в игрушки играть? Он тебе так наиграет, что костей не соберёшь. Скотина страх должна понимать!

Глухой рокот прервал их разговор. Ближе, ближе... Из-за леса вдруг выплыли две чёрные точки, они быстро увеличивались, рокот тоже нарастал.

– Самолёт! – закричал Саша. – Дедушка, самолёт! Как бы узнать – наш это или немецкий?

Самолёты промелькнули над их головами, шум моторов быстро замер вдали. Дед Никита подошёл к быку и взялся за верёвку, привязанную к его рогам.

– Идём, Сашок, – поторопился он. – Как бы ещё немцы к нам на головы не посыпались.

Уже подходя к острову, Саша вдруг остановился и прислушался.

– Дедушка, дети кричат, – проговорил он удивлённо, – слышишь?

Дед Никита приложил руку не к глазам, как обычно, а к уху.

– Ну и что? – проворчал он, продолжая идти за Рыжухой. – Им больше и делать нечего. Не плачут и то ладно.

– Слово какое-то повторяют, – вслушивался Саша. –
А что – не разберу.

– Коска, коска! – донеслось уже отчётливее из-за поворота. – Ой, коска!

Саша обогнал Рыжуху и проворно взбежал вверх по тропинке.

– Дедушка, смотри! – крикнул он.

Гришака, Маринка и близнецы тесной кучкой столпились на лужайке перед домом вокруг чего-то маленького, пёстро-го. Гришака присел на корточки, протянул руку.

– Живая, – проговорил он, – ишь, глядит!

– Мя-у, – тихонько послышалось в ответ.

Кошка сидела не шевелясь, прижавшись к кустику травы. На чёрной мордочке, казалось, жили только золотые испуганные глаза.

– Вот здорово! – воскликнул Саша. – Сама, через лес, через топь пришла! Голодная, наверно.

Маринка подняла кошку и ласково прижала к груди.

– Домой снесу, – сказала она серьёзно, как взрослая. – Молока дам. Куда ей деваться-то.

– Домой! – радостно запищали близнецы и, по привычке взявшись за руки, затопали за Маринкой.

Дед Никита и Саша убрали картофель, привязали Рыжуху и Мишку. Наконец Саша открыл дверь и остановился на пороге.

Близнецы, взгромоздившись на нары, с восторгом

наблюдали, как кошка, давясь и захлёбываясь, лакала молоко из глиняного черепка. Маринка, сидя на корточках, осторожно гладила пёструю спинку.

– Не мешай ей, – сказала бабушка Ульяна. – Самая это нам удача, что кошка к дому прибилась. Чья она – не припомню, только примета верная: кошка на три цвета – дому прибыль. Как она болотом-то пройти сумела?

А кошка, вылизав черепок насухо, оглянулась, прыгнула на печку и, поджав лапки, замурлыкала, точно и век тут сидела.

К вечеру всегда дружные ребята чуть не перессорились: кому спать с кошкой.

– Я её первый увидел, – доказывал Гришака и даже раскраснелся.

– А я её в избу принесла, – спорила всегда тихая Маринка.

Бабушка Ульяна с трудом заставила малышей выпустить кошку.

– На печке будет спать, вот что, – сказала она. – А ещё подерётесь – отнесу кошку в лес, ей там никто лапы ломать не будет.

– Там её волки съедят! – испугалась Маринка. – Ой, бабушка, не надо, лучше пускай с нами не спит.

– Бабушка, – тихонько спросил Саша, – разве ты правда кошку в лес отнесла бы? – Но бабушка Ульяна в ответ только засмеялась. Позже, когда все дневные

дела были переделаны, она, убрав посуду, села рядом с дедом на лавку, мягко сказала:

– Скорее бы вы кончали с картошкой. Как уйдёте, ну места себе не найду.

– Скоро кончим, – успокоил её дед Никита, снимая с колодки готовый маленький лапоть. – Ну вот, Маринке есть в чём бегать. А нам с тобой, Сашок, надо ещё в подпол моей хаты заглянуть: там у меня три мешка муки закопано от лиходеев. Вот и будем всю зиму с лепёшками. Ещё ружьё Степаново и весь припас охотничий там же схоронен. Это тоже сгодится, зимой – не миновать – волки наведаются. Ну а там, не всё войне быть. Дождёмся и тишины...

– Дедушка! – крикнул Саша в восторге и обернулся к Андрейке. – Слышишь? Ружьё у нас будет. Настоящее!

– Ружьё, – тихо отозвался Андрейка, – отцово. Дедушка, отец-то придёт?

Бабушка Ульяна тотчас обернулась и посмотрела на мальчика. Глаза их встретились. Бабушка поставила на стол чашку, которую держала, и протянула руки.

– Дитячко ты моё бедное, – проговорила она тихо, и Андрейка с горьким плачем припал головой к её коленям. Все замолкли. Бабушка Ульяна тоже не произнесла ни слова, только гладила белую головку. Плач мальчика постепенно начал утихать и затих. А бабушка Ульяна всё гладила и гладила его волосы и, наконец,

нагнувшись, проговорила тихо:

– Батяка твой, наверно, уж скоро из армии вернётся, Андрейка, этим утешайся, сыночек мой родненький.

В эту ночь бабушка Ульяна положила его около себя. Засыпая, Саша слышал их тихий шёпот, а наутро Андрейка уже не казался таким угнетённым, как все эти дни. Прежняя весёлость не вернулась к нему, но он охотно начал помогать в домашней работе, и с Гришкой стали меньше шептаться. Саша по-прежнему старался отвлекать Андрейку и Гришаку от грустных мыслей, придумывал для них разные интересные дела.

У него и своего горя было достаточно. Вспоминалась мать: маленькая, худенькая, в военной форме, стояла она на площадке вагона и махала ему рукой. Такой он видел её в последний раз. По ночам Саша часто лежал с открытыми глазами. О судьбе матери он ничего не мог узнать, оставаясь на Андрюшкином острове. Тоска так щемила сердце, что он готов был встать и бежать через лес, по дороге на станцию, к людям, где можно было бы узнать, что делается на свете и получить весточку о матери.

А то он представлял себе Федоску в боях с немцами. Вот он побил много немцев. К нему подходит генерал и прикалывает на грудь орден.

– Храбрый Федоска, – говорит генерал. – А где же твой друг Саша?

Федоска смеётся:

– Саша гусака испугался. Он на Андрюшкином острове ребят нянчит. – И все тоже смеются.

Саша с горящими щеками приподнимался на локте, готовый вот-вот отодвинуть дверной засов и бежать. Но вздохнёт во сне бабушка Ульяна или завозится кто-нибудь из детей, и Саша тихонько опускался на нары и зажимал рот рукой, чтобы никто не услышал, как он плачет. После таких ночей Саша просыпался утром с тяжёлой головой и красными глазами и менее охотно, чем всегда, принимался за дневные работы, не подозревая, как зорко и грустно к нему присматриваются внимательные бабушкины глаза.

– Холодно, – жалобно говорит Маринка. Она поднимает то одну озябшую ногу, то другую и прячет их поочерёдно под тоненькое ситцевое платье, но это мало помогает.

Саша быстро расстегнул кушак и стащил с себя курточку.

– Надень, надень, —проговорил он торопливо, – как это я раньше не догадался!

– Да-а-а... сам ты голый... – нерешительно отозвалась Маринка, глядя на Сашину майку, – сам трясёшься... – Но тут же быстро сунула руки в рукава курточки и засмеялась от удовольствия: рукава были тёплые.

Близнецы переглянулись и, взявшись за руки, подошли к Саше.

– Хо-олодно... – затаили они вместе, заглядывая

ему в лицо.

Саша окончательно растерялся:

– Мне... мне и самому холодно, – сказал он, с жалостью глядя на маленькие фигурки в длинных рубашонках. – Я и не подумал: как же мы жить будем без пальто, без ботинок... – Зябко поведя плечами, он засунул руки за резинку трусиков и вошёл в избу.

– Дедушка, – заговорил он, – малыши замёрзли, и босые они. А скоро совсем холодно будет. Ты сколько раз обещал научить меня, как петли на зайцев делать. Научи, дедушка. Мы с Андрейкой их живо наловим, и всё из их шкурок сделаем.

Дед Никита, стоявший у окна, быстро обернулся.

– Замёрзли, говоришь? Так, так... – Он потоптался около окна, заглянул под нары.

– А ну, подай оттуда лыко, – сказал он Саше. – Себе на лапти берег, да обойдусь. Теперь петли важнее.

Дед Никита грузно уселся на своё место. По привычке достал кочедык, но, вспомнив, что он не понадобится, отложил, его в сторону. Саша и Андрюшка окружили его.

Вскоре на столе вырос аккуратный пучок шнурочков с петлями на концах. Свернув его жгутом вокруг руки, дед встал:

– Покажу вам теперь, как ставить петли, – проговорил он. – Но смотрите, чтобы у бабки горшок без мяса в печке не стоял, на чулки нам вместо валенок чтобы

шкурки были, а лапти на них я сам сплету.

На следующий день Саша и Андрейка ворвались в хату, держа в вытянутых руках двух пушистых зверьков.

– Есть, дедушка! Есть! – кричали они наперебой. – Так и лезут! Чуть не в каждой петле по зайцу. Ну и охота!

Дед, отложив дощечку, которую он старательно стругал, деловито взвесил каждого зайца на руке.

– Хороши, – сказал он довольным голосом. – А я вот и дощечку приготовил, шкурки распяливать. Просушить их надо, чтобы не испортились.

– Ужинать идите, охотники! – позвала мальчиков вечером бабушка Ульяна. – Вам сегодня лучший кусок.

– Дедушке лучший кусок! Он всё умеет делать, – сказал Саша и глубоко втянул в себя воздух: такой аппетитный запах шёл от большого горшка на столе.

– Зай... – пропищал Павлик и покосился на Наталку, но она в первый раз оказалась слишком занята, чтобы ответить ему.

А дед привычным жестом пошарил на плече, забирая в горсть свою бороду, и, крякнув, сказал:

– Ай, бабка, ну и добрый суп сварила, ум отъешь.

Утром близнецы влезли на скамейку около оконца и прижались к стеклу носами так, что они сплющились в маленькие белые пятнышки. Уж очень занятно было смотреть, как на лужайку перед домом, медленно кру-

жась, падали большие белые мухи. Падали и куда-то сразу пропадали: на земле их вовсе не было видно.

– Нег! – сказал Павлик, вспомнив, как говорила бабушка Ульяна.

– Падит, – договорила Наталка.

Затем, не сговариваясь, они сползли на пол и стали дружно дёргать за край рогожу, которой обили дверь на зиму заботливые руки бабушки Ульяны.

Дверь не поддавалась, и близнецы широко открыли роты, собираясь громко зареветь, как вдруг она сама открылась, и в хату, чуть дыша от волнения, влетел Андрейка.

– Сашка! – закричал он, – Сашка, где ты? – и, повернувшись, не закрывая двери, выбежал опять на улицу.

– Здесь я, – услышался ответ, и на тропинке показался Саша с топором в руке.

– Лось! – прокричал Андрей на бегу. – Сейчас потонет!

Через минуту мальчики, перегоняя друг друга, мчались вниз, к болоту. Там у края твёрдой земли бился огромный лось. В этом месте мох был настолько плотен, что легко выдерживал тяжесть человека, но лось ударами копыт прорвал и выбросил его далеко от себя, и теперь бился, погружаясь в чёрную густую жижу.

Лось тяжело храпел, временами опускал огромную рогатую голову в грязь, но тут же снова поднимал её и начинал биться с новой силой. Саша весь дрожал

от возбуждения. Первый момент охотничьего азарта прошёл, и теперь ему было так жаль этого беспомощного зверя, что он охотно помог бы ему выбраться на берег.

Страшным усилием лось продвинулся вперёд. Последний удар его задних ног был так силен, что он скользнул по жиже и вылетел почти до половины на твёрдую землю. Голова его упала на траву, и громадные рога коснулись Сашиной ноги. Лось был мёртв.

Саша стоял, не двигаясь, и простоял бы так ещё долго, но рука деда Никиты легла на его плечо.

– Очнись, Сашок, вот так удача! И сам к нам в руки пришёл!

– Сам, – машинально повторил Саша и вдруг воскликнул дрожащим голосом: – Ах, дедушка, как жаль, ведь его можно бы вылечить, приручить.

– Пока ты его приручал – он бы тебя в лепёшку расшиб, – ответил дед Никита и, нагнувшись, положил руку на раненый бок лося. Лицо его помрачнело. – Не ружейная эта рана, – проговорил он, выпрямляясь. – Война это его достигла, война вокруг нас кружит и всё ближе к нам подбирается. Ну ладно, что суждено, тому, и быть. Зато кожи теперь всем вам на чулки хватит, получше заячьих будет. Вот беда горькая, соли нет, – не то на всю зиму с мясом были бы. А сколько её в магазине осталось... В Малинке-то.

– Так она ж там сгорела! – сказал Андрейка.

– Дурачок ты, – ответил дед Никита, направляясь к дому. – Соль разве горит? Задымилась разве. Да и то сказать – склад-то на высоком месте стоит и подвал у него, что твоя хата. Там не то что соли – всего найти можно. И как это я запомнил... – Старик немного помолчал и, уже подходя к дому, добавил: – Обязательно сходим. А про войну вы бабке не говорите: будет а неё и того, что знает.

– Ты про соль слыхал? – тихонько спросил Саша Андрейку.

– Слыхал, – тихо ответил Андрейка. – А что?

– Так, – сказал Саша.

– И ничего не так, и ничего не так. Забожусь, что знаю...

– Ну и что?..

– Ну чего, петухи, закукарекали? – окликнул их дед. – Бабку зовите. Эх, соли-то, соли нет!

– Слыхал? – На этот раз спросил Андрейка.

– Слыхал.

– Ну и что?

– Пойдём! – отрубил Саша и убыстрил шаги.

До дому мальчики молчали. Остаток дня помогали деду снимать шкуру с лося, резали и подвешивали на высокое дерево мясо, отрубили в с торжеством принесли в избу огромные ветвистые рога и засунули их под нары.

– Вместо конька на избушку прибьём, – сказал Ан-

дрейка.

Глава 10

ШЕЙКА!

– Вы зачем мешки из-под нар взяли? – спросила утром бабушка Ульяна, возившаяся спозаранку около печки: сушила небольшие ломти лосиного мяса на сухари про запас.

– Сходим на рыбалку, – отозвался Саша и покраснел. – Мы не скоро вернёмся, бабушка. А мешки на плечи, чтобы теплее было, а то очень спина мёрзнет.

Убедившись, что за ними никто не следит, мальчики свернули не направо – под горку к озеру, а левее, на тропинку по болоту. Шли молча, напряжённо прислушиваясь. Вдруг Саша нагнулся и, захватив горсточку земли, замазал белевшую на дереве зарубку.

– Чтобы не так заметно было, – пояснил он. Андрейка только кивнул головой: говорить им не хотелось.

Дорогой они замазали и прикрыли кусочками коры все слишком явные метки, по которым можно было безопасно пройти по болоту к их острову.

Вода уже похолодела и переходить речку было очень неприятно.

– Коноплями пойдём, – шепнул Андрейка, когда они перебрались на другой берег. От волнения он побледнел так, что веснушки на его вздёрнутом носу казались

почти тёмными.

Мальчики в первый раз почувствовали, насколько присутствие деда Никиты придавало им бодрости.

– Вот тут склад был, – показал рукой Андрейка. – Соль прямо в подвал ссыпали. Вот сюда.

Соль, и правда, отыскалась под толстым слоем углей и пепла. Осторожно разгребая руками, мальчики добрались до чистого белого слоя.

– Я буду сыпать, а ты смотри на дорогу, – проговорил Саша и жадно захватил губами с ладони твёрдый комочек. – Как вкусно, лучше сахара!

Андрейка, держа в руке большой комок соли, с наслаждением лизал его.

– Вкусно, – повторил он. – Только сыпь скорее, страшно уж очень.

Улица Малинки была тиха, в воздухе, над чёрными памятниками-печами, проносились лишь блестящие паутинки – последние вестники осени.

Саша, торопясь, пригоршнями сыпал соль в мешок, пока смог его еле-еле поднять. Затем он подошёл к Андрейке, выглядывавшему из-за кучи кирпича на дорогу.

– Сыпь теперь ты, – сказал он, – сколько сможешь поднять, а я погляжу.

Но сколько ни смотрел Саша на дорогу, в обе стороны, она оставалась пустынной.

– Готово! Пошли скорей! – наконец прошептал Андрейка, сгибаясь под тяжестью мешка.

– Смотри, в воду не урони! – говорил Саша, осторожно спускаясь к речке. – Вот так, теперь лезем вверх. Ну, всё. Ставь мешок! Отдохнём.

В густой заросли орешника было уютно и, казалось, безопасно. Мальчики успокоились, лица их повеселили.

– Вот мы и одни управились, – заговорил Андрейка. – Без дедушки. И даже не страшно, правда?

– Правда, —довольно неуверенно ответил Саша, – почти не страшно, только...

– Ничего не только, – перебил его Андрейка. – Мы всё равно углядели бы немцев. Уши у меня сквозь землю слышат. Забожусь, что...

Но тут он тихо охнул и присел, зажимая уши руками: тихий визг раздался в кустах за его спиной. Саша потянул Андрейку за рукав.

– Не шевелись, – прошептал он. – Где собака, там, наверно, и хозяин, только почему она визжит так жалобно?

Андрейка покачал головой:

– При хозяине так скулить не станет. Безхозяйная она.

– Тюсь, тюсь, – шёпотом позвал Саша и замер: из прибрежных кустов вышла на тропинку маленькая, явно не малинкинская собачка: пушистая, чёрная, с белым галстучком на шейке.

Она еле держалась на ногах от истощения. Дрожа

и припадая к земле, собачка проползла под ветками орешника и легла у Сашиных ног. Саша нагнулся и погладил её. Она сделала попытку подпрыгнуть и не смогла. Слабо взвизгнув, перевернулась на спинку и замала лапками. Мальчики в восторге смотрели на неё, потом взглянули друг на друга.

– Безхозяйная и есть, – повторил Андрейка. – От хозяев отстала. Гляди, кожа на лапах полопалась, как она ещё бежала. Как назовём?

– Белошейка! – в восторге закричал Саша и, подняв собачку, прижал её к себе, тут же сократил: – Шейка!

Шейка была согласна на любое имя. Дрожа и захлёбываясь, она проглотила холодную картошку, вынутую Сашей из кармана, и, став на задние лапки, лизнула ему руку маленьким розовым язычком. Было понятно и без слов: она нашла себе хозяина.

Стоя на коленях, Андрейка ласково гладил её пушистую спинку.

– Вот бы собачий язык понимать! – сказал он. – Всё бы она рассказала. Лапочки побила как, издалека, видать, бежит.

Мальчики осторожно промыли в речке опухшие, воспалённые лапки Шейки и перевязали их Сашиным носовым платком.

Увлёкшись хлопотами, они почти забыли об опасности.

Но вот Саша насторожился и посмотрел на Андрей-

ку.

– Слышишь? – спросил он.

Андрейка стоял бледный, с полуоткрытым от испуга ртом: далёкий, чуть слышный рокот становился всё громче. Мальчики, не сговариваясь, присели в кустах. Серебристый самолёт, вынырнув из-за высоких деревьев, пронёсся над рекой.

– Опять самолёт, – произнёс Андрейка шёпотом, точно боясь, что его услышат. – Ой, Саша, погляди на Шейку. – Собака, вся дрожа, молча прижималась к земле. Понимает, – тихо сказал Саша и погладил взъерошенную мягкую шёрстку. – Она что-то видела, чего мы не знаем. Бежим домой, Андрейка, скорее.

Мальчики, согнувшись под тяжестью мешков, почти бегом кинулись по тропинке. Собака бежала за ними, не отставая, смешно спотыкаясь на забинтованных лапках.

Бабушка Ульяна хлопотала около печи, у неё за спиной что-то тяжёлое мягко стукнуло о пол. Она обернулась: запыхавшиеся, уставшие, но весёлые, стояли перед ней Саша и Андрейка.

– С чем пришли? – ласково провела она рукой по Андрейкиным вихрам.

– С солью! – выпалил тот и засмеялся.

– С солью?... – недоверчиво переспросила бабушка Ульяна и взмахнула руками. – Ой, да что же это, да неужто и правда, вы одни ходили?

Она хотела ещё что-то добавить, но радостный крик Маринки перебил её:

– Собачка, да какая хорошенькая! Где вы её взяли? А зачем у неё лапочки перевязанные? – Она уже подхватила Шейку на руки и крепко прижимала к себе. Шейка в ответ на ласку смело лизнула девочку в розовую щёчку.

Бабушка Ульяна покачала головой:

– Ртов-то у нас и так много, – заговорила она.

Дети испуганно переглянулись, но неожиданно вмешался дед Никита.

– Погоди, бабка, – вступился он. – Зимой, не дай бог, волки наведаются к нам в гости, а она и даст нам знать. Собака для двора – первое дело.

– Помилуй бог! – испугалась бабушка Ульяна. – И чего ты только не наговоришь, дед. – Но тут же она вытащила из-под печки битый горшок, вылила в него остатки похлёбки и поставила на пол.

– Ладно уж, покормите её. То ли будет с неё толк, то ли нет, а живая душа есть хочет.

Глава 11

СТРАШНАЯ БИТВА

Подойдя к двери, Павлик наклонился и придерживался руками за высокий порог, чтобы было легче через него перелезть, но вместо этого сел на порог верхом, болтая ногами. Ему захотелось ещё раз полюбоваться на длинные чулки из заячьего меха, только что надетые на него бабушкой Ульяной. Наталке тоже захотелось сесть с ним рядышком, и она стала толкать его в спину, крича:

– Динься! Динься!

Бабушка Ульяна положила конец спору, проворно подхватив обоих ребят под мышки, она выставила их на улицу и захлопнула дверь, чтобы не выстуживали хаты.

– Далеко не ходите! – крикнула она уже через дверь и занялась своими делами,

Мирно взявшись за руки, близнецы оглянулись, ища, с чего бы начать прогулку?

Бык Мишка и Рыжуха вышли из сарая и остановились около дома. Мишка, всегда спокойный, сегодня был чем-то взволнован: он тревожно мычал, с шумом нюхал воздух и бил себя хвостом по бокам, точно отгоняя надоедливых мух.

Мелькающая в воздухе кисточка хвоста понравилась Павлику. Он направился было в сторону Мишки, но Наталка догнала его и упрямо потянула за рукав: бабушка сказала далеко не ходить, но ведь интереснее всего делать запрещённое. Павлик, как всегда, не протестовал, и близнецы, как маленькие шарики из заячьего меха, покатались по тропинке к озеру.

– Ого, команда! – крикнул Саша. Он только что вышел из прибрежных кустов. Три белоснежных зайца, связанных за лапки лыковой верёвочкой, болтались у него через плечо наперевес. День был удачный: из четырёх силков, поставленных так близко от дома, только один оказался пустым.

– Ого, команда! – повторил он весело и помахал рукой. – Как же это вы так далеко забежали?

– Саса! – запищали близнецы и побежали быстрее. Они старались бежать вперегонки, но при этом по привычке продолжали крепко держаться за руки.

Вдруг Шейка, бежавшая позади Саши, взвизгнула и бросилась ему под ноги, так что он чуть не упал на неё. Собака дрожала, шерсть на ней стала дыбом.

– Ты что это? – удивлённо спросил Саша, оглянувшись да так и замер на месте: снизу по тропинке, неслышно ступая и раскачиваясь, шёл лохматый зверь. Голова его была опущена к самой земле и на ходу он ею покачивал, точно о чём-то сам с собой рассуждал.

– Я... – проговорил Саша, и спина у него похолоде-

ла.

Он бросился навстречу близнецам.

– Назад бегите! – крикнул он. – Домой!

Но малышам хотелось получше рассмотреть незнакомую рыжую собаку, там, внизу, на тропинке.

Саша обернулся: медведь, как будто бы не смотрел на него и им не интересовался, шагал не торопясь и всё покачивал головой. Но он был уже ближе, очень близко!

– Саса! – радостно повторили близнецы.

Саша на бегу схватил их за руки и, не останавливаясь, потащил вверх по тропинке. Зайцев он уже раньше бросил и, оглянувшись, увидел, что медведь остановился и внимательно их обнюхивает.

– Может быть, отстанет? – подумал мальчик. Нет, медведь потрогал лапой одного зайца, потом другого и двинулся уже быстрее.

Тащить плачущих ребят волоком по снегу было тяжело, но остановиться, чтобы взять их на руки, Саша не решался. Медведь пыхтел и пофыркивал будто за самой его спиной. Мальчик даже голову втянул в плечи; вот-вот на неё опустится тяжёлая лапа...

Вдруг позади послышались визг, рычанье Шейки и сердитый медвежий рёв. Саша, задыхаясь, оглянулся: маленькая, дрожащая от страха собака вцепилась в косматый медвежий зад с таким остервенением, что медведь не выдержал, сел и со злобным рёвом, поворачиваясь вокруг себя, махал лапами, стараясь зацепить крутившуюся вокруг него Шейку.

Не спуская с медведя глаз, Саша нагнулся и подхватил плачущих детей под мышки. Раздался жалобный визг: Шейка, подброшенная страшной лапой, мячиком взлетела на воздух, перелетела через густую ёлку и замолкла. Разозлённый нападением собаки медведь с рёвом кинулся по тропинке. Из широко открытой пасти его клубами шёл пар, белые клыки блестели всё ближе...

Саша понял, что убежать с двумя детьми на руках ему не удастся. И всё-таки он бежал, задыхаясь, из последних сил, крепко прижимая их к себе.

Дом был уже близко. Совсем близко. И так далеко...

Саше казалось, что шее его уже горячо от дыхания медведя. Опять рычанье, за самой спиной...

И вдруг такой же рёв, ответный, раздался впереди, у самого дома.

Саша едва успел посторониться, оступился и упал, заслонив собой детей. Огромная чёрная туша с мычанием и рёвом пронеслась мимо него. Павлик вскрикнул, но Саша не обратил на это внимания. Приподняв-

шись на одно колено и всё ещё прижимая к себе близнецов, он оглянулся...

Бык Мишка нёсся, опустив голову, топая так, что земля гудела. Шерсть на его загривке встала дыбом, он ревел и бил себя хвостом по бокам.

Медведь ответил ему ещё более грозным рычанием и, поднимаясь на задние лапы, взмахнул передними...

Две туши: бурая и чёрная столкнулись с тупым стуком, покатались вместе под горку, на повороте с треском смяли молодые сосенки и, ударившись о ствол старого дуба, остались лежать неподвижно.

– Сашок, очнись! Да пусти же руки! Дети плачут, ты же их примял! – с трудом расслышал Саша и увидел склонённое над ним бледное лицо бабушки Ульяны.

– Да отзовись, Сашок! Да пусти же руки! – услышал он снова и тут только понял, что продолжает из всех сил прижимать к себе плачущих Павлика и Наталку.

– Бегите! Бегите скорее! – закричал он, вскакивая. – Бегите, пока они дерутся!

– А они уже не дерутся, – послышался тонкий голос Андрейки. – Они не шевелятся.

Бабушка Ульяна подхватила детей на руки.

– Сашок, Андрейка, бегите за мной! – звала она. – Бегите за мной! Они, может, ещё встанут!

Саша и Андрейка побежали за ней. У самого верха они остановились и посмотрели друг на друга.

– Шейка! – проговорили разом и, невольно взявшись

за руки, повернули обратно.

– Коли что – на дерево скочим, – прошептал Андрейка. – На дереве он нас никак не достанет.

Огромный чёрный бык лежал на боку, ноги были вытянуты, голова, неестественно закинута, скрывалась под тушей навалившегося на него медведя.

– Голову оторвал Мишке-то, – прошептал Андрейка и вдруг закричал отчаянно: – На дерево скочи! Скочи, говорю! – И, кинувшись к молодой сосенке, сразу оказался на ней.

Саша не стал переспрашивать и оглядываться. Подпрыгнул, схватился за сук и уже перекинул через него ногу, да так и повис, прислушиваясь.

Глухое, точно из-под земли, жалобное мычанье... Ещё... вот слабо дёрнулась в воздухе чёрная нога...

– Андрейка! – крикнул Саша и кувыркнулся с дерева прямо в снег. – Мишка это! Слышишь? Мишка жив! Медведя сдвинуть надо!

– Сдвинь-ка его! – отвечал Андрейка с дерева. – Коли его сам Мишка сдвинуть не может... Ой, дедушка идёт. Он поможет! – И Андрейка прыгнул тоже прямо в снег: присутствие деда придало ему храбрости.

Дед Никита почти бежал по тропинке. В правой руке он держал топор и встревоженно повторял:

– Сашок, Андрейка, где вы подевались?

Через несколько минут крепкое молодое деревцо было просунуто под лохматую бурую тушу, и все трое

упёрлись в него плечами.

– Крепче! Крепче! – приговаривал дед Никита. – Крепче! Ну...

Ещё усилие – и залитая кровью Мишкина голова показалась из-под медвежьей туши и шевельнулась, стараясь освободиться.

– Дедушка! – вскрикнул Саша. – Мишкин рог у, медведя в боку застрял.

У деда Никиты от напряжения лицо налилось кровью. Не отвечая, он нагнулся, подставив плечо под жердь, ближе к туше медведя.

– Крепче! – прошептал он, задыхаясь. – Ну...

Туша дрогнула и подалась. Мишка задёргал в воздухе ногами, вырвал рог из бурой шерсти и с жалобным мычанием опустил освобождённую голову на снег.

– Кидай! – шёпотом скомандовал дед Никита и, прислонившись к дереву, дрожащими руками расстегнул полушубок.

Мальчики тоже еле переводили дыхание. Андрейка опустил голову и ловил губами крошки снега, зачерпнутого рукой.

– Не дури! – строго приказал дед Никита. – Сердце враз застудить можешь. Разгорелось оно у тебя. – И, тяжело переводя дыхание, добавил: – Слышать-то слышал, а видать первый раз пришлось, как бык с медведем бьётся!

Саша стал на колени и снегом осторожно обтирал

окровавленную Мишкину голову.

– Вся целая, – проговорил он радостно. – Это медвежья кровь. Он, наверное...

Но тут Мишка поднял голову и, упёршись передними ногами, вскочил с такой быстротой, что Саша только кувырком успел откатиться от него.

Бык был страшен, он заревел с новой яростью и, кинувшись к неподвижной туше медведя, начал топтать её ногами и бить рогами. В воздух полетели клочья шерсти, а кровавое пятно на снегу расплылось ещё шире. От ударов быка лапы медведя вздрагивали, окровавленная голова дёргалась, казалось, что он оживает, вот-вот вскочит и примет бой.

Мальчики, дрожа, сжались за деревом, но не могли оторваться от страшного зрелища.

– Шукуру всю испортит, – с сожалением проговорил дед Никита. – А отогнать сейчас и думать нельзя: так разлютовался – любого на рога подденет.

Наконец бык остановился. Некоторое время он стоял неподвижно, затем повернулся и медленно, пошатываясь на ходу и тяжело поводя боками, направился вверх по тропинке, к дому.

Тихий стон раздался из-за куста можжевельника.

– Шейка! – крикнул Саша, увязая в сугробе. – Мы про неё забыли. Шейка! Милая!

Шейка, маленький чёрный комочек, лежала на снегу, как упала, отброшенная медвежьей лапой. Глаза её

были открыты, но она не пошевелилась даже, когда Саша осторожно поднял её. Она только чуть-чуть про-стонала и слабо дёрнула передними лапками. На боку тянулась рваная рана, из которой продолжала сочиться кровь.

– Ты ж кровью перемазался, – сказал Андрейка, но тут же, всхлипнув, протянул и свои руки, чтобы Шейке было удобнее лежать.

Так они и понесли её вдвоём, осторожно ступая, на-встречу Гришаке и плачущей Маринке. Они стояли пе-ред избушкой, Маринка, в одной рубашонке, со сле-зами вырывалась от бабушки Ульяны, которая крепко держала её за руку.

– Шейка! – кричала она. – Шейка моя милая! Ой, не-сите её скорее в хату, бабушка её травкой полечит!

Бабушка Ульяна осмотрела неподвижную собаку и вздохнула.

– Положите её под нары, – сказала она. – Выходить её надо, детки. Если б не она – не собрать бы ваших косточек! Маринка, лезь на печку, грейся, дурная твоя головушка, пока хворь не взяла.

Маринка вытерла заплаканные глаза и послушно по-лезла на печку. Но вечером, когда собрались ужинать, Маринки не оказалось.

– Ой, да что же это за беда такая? – встревожилась бабушка. – Гришака, беги искать её скорее!

Но Гришака не двинулся с места.

– Куда бежать-то? – сказал он спокойно. – Под нами она, с Шейкой лежит. Вот где.

Никакие уговоры не помогли. Маринка забилась с Шейкой в самый дальний угол и со слезами отвечала:

– Она лапочкой подвигать не может. Она хвостиком махнуть не может. Ей страшно без меня. Не пойду!

– Ну и сиди там, нескладная, – сердито сказала бабушка Ульяна, но тут же просунула под нары старый полушубок. – Ляг на него, а то вовсе озябнешь.

Прошло немало дней, пока Шейка снова весело забегала около дома. Но к месту битвы с медведем подходить не соглашалась, как её ни уговаривали. Она махала хвостиком, извинялась, стыдилась, но, дойдя до знакомого места, всегда делала обход, даже по самому глубокому снегу.

Бабушка Ульяна с тех пор ни разу не помянула про лишний рот, и Шейка вскоре так разжирела, что дед Никита стал сердиться:

– На сало кормишь собачонку, бабка? Скоро и на волка не тявкнет, хоть он к самой хате подойди, до того разбалуется.

Как ни топтал Мишка медведя, всё-таки мяса и сала, на нём осталось достаточно. А куски шкуры в бабушкиных умелых руках превратились в тёплую подстилку на нарах для ребят.

– Не иначе как его сраженьем с берлоги струнули, – сказал дед Никита. – Такие шатуны всегда злющие от

голоду, зимой-то в лесу имкорму нет. А стронулся он недавно, сала на нём как на хорошем кабане. Да, близко, близко война около нас ходит.

Гришака молча гладил рукой лохматую шкуру.

– Несчастливый я, – проговорил он задумчиво. – Один я медведя не видал, какой он был живой. Медведь-то!

– Дурачок ты, Гришака, – отозвалась бабушка Ульяна, и около глаза её побежали весёлые морщинки. – Дай тебе бог всю жизнь такого несчастья не видеть, в злую беду не попадать.

Глава 12

ВОЛКИ!

Саша попробовал, хорошо ли ходит затвор у ружья, потуже перевязал ремнями заячьи чулки и протянул руку к шапке, но Андрейка проворно схватил её и спрятал за спину.

– Ты что? – удивился Саша.

Андрейка весело мотнул головой в сторону бабушки Ульяны: она только что отодвинула заслонку, и из печки так и пахнуло тёплым душистым запахом печёного хлеба.

– Дайте остыть, а то за пазухой горячо будет. – С этими словами бабушка накидала на стол пышных румяных лепёшек и прикрыла их полотенцем. Аккуратно разломив одну лепёшку, бабушка подула на половинки и отдала их близнецам, следившим за ней очень внимательно. Те моментально повернулись лицом друг к другу и сложили половинки вместе.

– Динака, – проговорил Павлик.

– Динака, – повторила Наталка, что означало «одинаковая», и, довольные, оба закивали головами, стараясь откусить побольше.

– Мы сегодня, бабушка, в старый осинник пойдём, – объяснил Андрейка, торопливо прожёвывая лепёш-

ку. – Мы там с дядей Матвеем силки ставили: два силка – два зайца, пять силков – пять зайцев.

– Много силков не ставьте – не донесёте, – серьёзно отозвалась бабушка, но глаза её заблестели так лукаво, что Андрейка не выдержал и засмеялся.

– Лыжи салом смазали? – спросил дед Никита и, наклонившись, вытащил из-под нар связку новеньких латтей. – Эти наденьте, они не прошаркаются и с заячьими чулками будет тепло. Да смотрите – темноты не хватайте.

Мальчики быстро закончили сборы, сунули за пазуху по куску варёной зайчатины и тёплую лепёшку, а то замёрзнут – на морозе не разгрызёшь.

– Мы недолго, дедушка, – пообещал Саша, уже открывая двери. Одной рукой он поправил ремень ружья, в другой держал короткие лесные лыжи. Сегодня эти лыжи, сделанные дедом Никитой, особенно пригодились: за ночь выпал такой глубокий снег, что без лыж идти по лесу нечего было и думать.

Шейка с весёлым лаем выскочила из хаты, но Саша снова открыл дверь и скомандовал:

– А ну домой! Живо!

Вся весёлость собаки сразу пропала: с опущенным хвостом она перебралась через порог и, не отвечая на ласки близнецов, залезла под нары.

– Чего это ты её? – удивился Андрейка.

– А ты посмотри, снег какой выпал, – отвечал Са-

ша. – Она за нами и полкилометра не пройдёт – задохнётся.

Быстро скатившись под горку, мальчики ступили на тропинку, покрытую толстым слоем снега. Болото прошли, как всегда, в полном молчании. Чахлые, заеденные мхом деревья и в такой весёлый солнечный день наводили грусть, Саша вздохнул облегчённо только тогда, когда миновали уже топь. Поправив ружьё, он весело засвистел: солнце светило почти по-весеннему, полушубок приятно оттопыривался на боку от тёплой лепёшки, и лыжи точно сами бежали по снегу.

Андрейка с завистью посмотрел на ружьё за Сашиной спиной.

– Давай наперегонки, кто перегонит, – тому два раза стрельнуть. Ладно? – предложил он.

Саша покачал головой:

– Ты же знаешь, мы обещали дедушке ни одного патрона зря не тратить. Пороху-то ведь у нас не прибавилось.

– Да-а, – обиженно протянул Андрейка и громко шмыгнул носом от досады. – Обещал, обещал. Так он тебе и будет сидеть да порох мерить. – Но сам понимал, что ответил неладно. Разогнавшись, он выскочил вперёд и шёл молча, сбивая с веток пушистые снежные шапки.

Саше стало тоже обидно: такое весёлое путешествие вдруг портилось.

Но тут из-за куста выскочил разбуженный заяц и с перепугу покатился прямо Андрейке под ноги. Тот только что размахнулся, стараясь достать прутиком заснеженную ветку над собой. От неожиданности и испуга он и сам подпрыгнул не хуже зайца и упал в снег, а снежная шапка от сотрясения рухнула с ветки и закрыла его с головой. Саша в это время поправлял ремень у лыжи. Выпрямившись, он растерянно огляделся: Андрейки нигде не было. Вдруг сугроб перед ним зашевелился и из него выглянула засыпанная снегом Андрейкина шапка. Он со смехом кинулся откапывать Андрейку. В весёлой возне оба забыли о ссоре и дружно побежали дальше.

– Как он только вывернулся! – удивлялся Андрейка. – Эх, из ружья бы его – хлоп!

Вскоре мальчики свернули с тропинки к старому осиннику. Короткие и широкие лыжи их легко поворачивали между деревьями. Андрейка лучше знал свои родные места и потому шёл впереди.

– Вот тут, – показывал он, – мы с дядей Матвеем и ходили. Ещё с полчаса ходу и озерко будет: рыбы там... как пойдём с бреднем или с сакон, ну просто домой потом не донести. Мелкой мы не брали. На что она, мелкая-то. Только вот какую брали! – Андрейка показал руками, какая это была удивительная рыба.

Неожиданно крутой спуск перерезал им дорогу. Саша остановился в нерешительности.

– Горки напугался! – поддразнил Андрейка. – Ладно, гляди, как у нас, у деревенских. Ух ты!..

Облако снежной пыли взвилось в воздух. Андрейка в стремительном полёте ловко обогнул одну старую осину, другую и... с размаху налетел на третью.

Лыжа с хрустом разломилась на две половинки, Андрейка подпрыгнул и второй раз в этот день исчез в сугробе на дне оврага.

– Андрейка! – испуганно закричал Саша. – Я сейчас...

Но Андрейкина голова уже высунулась из сугроба.

– Не ходи! – отозвался он. – Утопнешь. Я сам.

Взобраться наверх ему оказалось нелегко. При падении Андрейка расшибся, но сознаваться в этом не хотел. Барахтаясь и утопая в снегу, он полз, хватался за деревья, таща за собой лыжи. Прошло немало времени, пока он дополз до верха обрыва и уцепился за протянутую Сашей руку.

– Хорош! – смеялся Саша, помогая ему выбраться на край обрыва. – Показал, как у вас в деревне... – Но тут он увидел на лбу Андрейки большую царапину и смолк.

– Что делать будем? – Андрейка протянул ему два обломка лыжи. У Саши пропала охота смеяться. Только сейчас он понял, что весёлого в их положении мало.

– Давай попробуем связать, – и он проворно вытащил из кармана складной нож и лыковую верёвочку.

«Без верёвочки да без ножа от дома и через дорожку не переходи», – любил приговаривать дед Никита. Как Саша был благодарен ему за науку! Но на этот раз верёвочка помогла мало: лыжа, связанная ею, прогибалась при каждом шаге и совсем не давала скользить. Через полчаса такой ходьбы от Андрейки даже пар пошёл и он, прислонившись к дереву, расстегнул полушубок.

– Не могу! – сказал он, задыхаясь, и виновато посмотрел на Сашу. – Что будем делать, Сашок?

Зайцы враз были забыты.

«Что делать? До дома не меньше десяти километров. На лыжах – это пустяк. Но просчитать весь этот путь шагами по глубокому снегу...»

Однако Андрейка смотрел на Сашу с такой надеждой, что он почувствовал: ответить «не знаю» просто нельзя.

– Дай, теперь я попробую так пройти, – предложил он, чтобы выиграть время, – а там что-нибудь придумаем.

Но Саша был тяжелее Андрейки, и двигаться ему было ещё труднее. За ним тянулась глубокая дорожка, и вскоре, задыхаясь, он прислонился к дереву.

– Жарко как-то стало, – проговорил он смущённо. – Давай постоим немножко, хочешь?

– Давай уж и поедим заодно, – предложил Андрейка и, не сходя с лыж, присел на корточки и засунул руку

за пазуху. – У тебя зайчатина не замёрзла?

– Распарилась, – через силу улыбнулся Саша и осторожно присел на уцелевшую Андрейкину лыжу. – Только долго сидеть не будем: смотри, солнце уже до самого верха добралось и скоро вниз пойдёт.

Андрейка вскинул голову, и рука его с куском мяса так я застыла в воздухе.

– Уж никак второй час пошёл, – испуганно проговорил он. – Ой, Сашок, скорее пойдём, как бы нам темноты не захватить. Пропадём!

Саша с завистью посмотрел на Андрейку. Ему и часы не нужны. Как странно! Раньше он смотрел на деревенских мальчиков свысока и считал, что всё знает лучше. Но сейчас было не до рассуждений. Мальчики спешно проглотили свой завтрак и встали.

Теперь они менялись лыжами через каждые четверть часа: на большее не хватало ни сил, ни дыхания. И всё же солнце двигалось быстрее, чем они, и, видимо, должно было их обогнать.

Вдруг Саша крепко ударил себя по лбу рукой.

– Какой же я дурак! – воскликнул он. – Андрейка, становись ко мне на лыжи сзади. Скорей! И шагать будешь со мной разом. Держись за кушак! Крепче!

Андрейка даже взвизгнул от удовольствия.

– Вот теперь пойдёт! – вскричал он.

Однако взобраться на лыжи из глубокого снега оказалось не так-то легко, и мальчики несколько раз ку-

выркнулись в сугроб, пока Андрейка, придерживаясь за тонкую сосенку, наконец примостился на лыжи за Сашей.

– Раз-два, раз-два, – считал Саша. – Шагай в такт, Андрейка.

Лыжи, несколько оседая в снег, всё же послушно двигались по уже проложенной мальчиками лыжне. Теперь они шли, хотя и медленно, но гораздо быстрее, чем раньше, и, главное, не тратили столько сил.

– Раз-два, раз-два, – повторял Андрейка, держась за Сашин пояс, и вдруг вздрогнул так сильно, что Саша чуть не упал с лыж.

– Ну, что тебе? – с досадой спросил Саша и с удивлением почувствовал, что рука Андрейки продолжает дрожать. —Что с тобой? – повторил он.

Вместо ответа Андрейка протянул из-за его спины свободную руку и указал вперёд.

– Слышишь? – тихо спросил он.

Тонкий, чуть слышный жалобный звук послышался где-то далеко и замер. Ему ответил другой, такой же жалобный и тоже замер.

Звук возникал так же незаметно, как и замолкал, и трудно было определить, в каком направлении.

– Идём, – наконец прошептал Андрейка. – Ты что? Не понял? Волки это... охотятся.

– Охотятся? За кем? – спросил Саша и вдруг сам почувствовал толчок в сердце.

– Идём же скорее! – только, и ответил Андрейка.

– Раз-два, раз-два, – торопливо шептал Саша, и лыжи заскользили по снегу быстрее.

Раз-два, раз-два. Но мальчикам казалось, что солнцу тоже кто-то считает. И быстро. Оно спускалось над лесом всё ниже и ниже, точно прыгало по ступенькам, вот-вот коснётся верхушки лохматой сосны.

– У-у-у-у... – тоненько плакало то с одной, то с другой стороны.

И мальчики молча убыстряли шаг. Вот уже и берег Малинки-реки, вот и чёрные трубы Малинки-деревни и плывущее над ними бледное солнце.

– Сашок, – зашептал сзади Андрейка и дёрнул его за рукав. – А давай мы через реку да в печку запрячемся. Оттуда нас нипочём не достать. А мы их из печки... в морду. А?..

Саша колебался. Ночью, в тёмной печке... и думать о тех, что в школе...

– Не могу, Андрейка, – также тихо ответил он. – До темноты мы дома будем. А из печки и не выстрелишь. Тесно и темно. Как целиться будем? А если они сразу все в печку полезут?

Андрейкина рука, теребившая кушак, притихла.

– Ну, ладно уж, – проговорил он и тихонько всхлипнул. – Коли так, то бежим до дому.

– Раз-два, раз-два, – снова считал Саша.

– У-у-у-у... – тоненько пели-плакали волки. Так им

удобнее было окружать и следить за странными маленькими человечками там, на тропинке.

Они давно уже подошли бы поближе, но тонкий нюх докладывал им, что за плечами у мальчика висит не палка, а штука, пахнувшая железом и порохом – опасная в человеческих руках. И, кроме того, шли мальчики как-то странно, непривычно. А во всём непривычном можно подозревать хитрость и опасность.

– Смотри-и-те... смотри-и-иите... – подвывали волки уже ближе. И от этого мальчики чувствовали, как шевелились под шапкой волосы.

Берег Малинки давно остался позади. Солнце зацепилось-таки в полёте за вершину одной из сосен и как будто сразу нырнуло вниз, оказавшись уже между верхними её ветвями.

На тропинку легли голубые тени, заголубели сугробы между тонкими сосенками-привидениями, и вдруг мальчики, как по команде, остановились. Саша схватил с плеча ружьё: из-за сугроба, справа, блеснули два жёлтых огонька.

– Сашок, не стреляй, нельзя, – тихонько охнул Андрейка. – Терпи... до последней крайности.

– Слева – тоже...

– Только не стреляй, – снова тихо зашептал Андрейка. – Идём скорее!

А в хате на Андрюшкином острове старики давно уже не находили себе места. Дед Никита то и дело открывал дверь и прислушивался. Выходила и бабушка Ульяна, и дед её спрашивал:

– Ты ничего не видишь, Ульяна?

И со вздохом качал головой, когда она отвечала:

– Да много ли тут увидишь, дед? Тропка-то вон за ближними соснами прячется. Дальше и увидеть нельзя.

А в это время Андрейка, дёргая Сашу за кушак, шептал ему:

– Идут сзади, Сашок, наддай ходу, только не стреляй... пока. Дай мне твой нож, Сашок!

Сняв рукавицу, закусив губу, мальчик крепко зажал в кулаке нож, который Саша протянул ему, не оборачиваясь.

– Береги заряд, Сашок, – шептал он, – на переднего.

Как спереди какой станет и с дороги не сойдёт...

А у Андриюшкиной хаты дед Никита постоял, приложив руку к уху, и вдруг быстро открыл дверь, схватил топор, лежавший около печки.

– Доходят! – торопливо проговорил он. – Слышишь, Ульяна? Обошли наших и уж близко.

– Побойся бога, Никита, – крикнула бабушка Ульяна, хватая его за руку. – Ты же не увидишь!

Дед Никита повернул голову.

– Что? – переспросил он. – Не увижу, как зверь моего ребёнка рвать будет? – И быстрыми шагами, какими не ходил уже много лет, почти побежал вниз по тропинке.

– Близко? – часто и тихо спрашивал Саша. Сам он боялся оглянуться, чтобы не наткнуться лыжей на какое-нибудь препятствие и не упустить движений тех, кто, шёл по бокам. Потому что волки уже почти не прятались, шли, постепенно сближаясь, точно зажимая мальчиков в клещи, и молчали: в переговорах уже не было нужды. Мальчики были близко, и волки знали, что им нужно делать. Но запах оружия и странная ходьба вдвоём на одних лыжах всё ещё удивляли и сдерживали их.

– Близко? – опять спросил Саша, не оборачиваясь.

– Близко! – ответил Андрейка одним дыханием. Огромный тощий волк, недавно появившийся на тропинке позади них, двигался, как будто не замечая их, но постепенно сокращая расстояние.

– Один поворот! Один поворот остался, Андрейка!
Но, сделав этот поворот, Саша остановился так резко, что Андрейка ткнулся грудью в его спину. В том месте, где тропинка выходила на остров и поднималась вверх, к дому, сидел, не глядя на них, волк, самый большой и тощий. Он не двинулся и не обернулся при приближении мальчиков, а лишь слегка оскалил зубы, Саша поднял ружьё. Волк оскалился ещё сильнее и вскочил. Раздался выстрел и страшный вой: волк подскочил, упал и судорожно задёргал лапами. В ту же минуту волк, шедший сзади, бросился на мальчиков.

– Сашок! – успел только крикнуть Андрейка и направил лыжу, которую нёс в руках, волку в грудь. Удар с разбега был так силен, что на землю покатались оба: волк и мальчик. Саша обернулся, но выстрелить ему не пришлось: перед его глазами что-то мелькнуло, и волк упал на снег. Из разрубленной шеи хлынула кровь, волк захрипел и затих.

– Домой бегите! – кричал дед Никита, размахивая топором. – Домой, пока они не опомнились!

Андрейка, пытаясь встать, вдруг отчаянно вскрикнул от боли в ноге. Дед Никита нагнулся и одной рукой вскинул Андрейку на плечо.

– Домой! Домой скорее! – Но разноголосый вой и рычанье заглушили его голос.

Тёмные тени выскочили из кустов, отрезая им путь вверх по тропинке. Волков было трое. Передний оска-

лился и медленно зевнул, не сводя глаз с деда Никиты, стоявшего с Андрейкой на плече. Поднимая мальчика, старик выронил топор и теперь стоял в нерешительности, боясь нагнуться.

– Андрейка, можешь стоять? – спросил дед Никита

– Не могу, – ответил Андрейка.

В эту минуту раздался такой пронзительный крик, что даже волки вздрогнули и обернулись: увязая в сугробах, навстречу бежала бабушка Ульяна.

– Прочь ступайте, проклятые! – крикнула она, размахивая пылающими головнями, с которых роем сыпались сверкающие в вечернем сумраке искры.

– А-а-а-а... – И она швырнула одну головню прямо в переднего волка. Тот с визгом увернулся и отскочил в сторону.

– Домой! Домой! – кричала бабушка Ульяна. – Бегите, пока горит!

Дед Никита с Андрейкой на плече кинулся вверх по тропинке. В этом месте снег сдуло ветром и бежать было легко.

– Не стреляй, Сашок! Они у самого дома хуже остереваются. Бабка, а ну маши, маши!

Но бабушка Ульяна и так махала с удивительным проворством: теперь головня, раздуваемая ветром, пылала ярким пламенем. Саша, держа ружьё наготове, бежал за дедом Никитой, поминутно оглядываясь. Бабушка Ульяна шла последняя. Волки держались с

боков и сзади, огонь отражался в их глазах, они отворачивались от него и молча скалили зубы.

Однако головня уже гасла, искры сыпались меньше, и волки снова начали приближаться.

– Гаснет! – с отчаянием крикнула бабушка Ульяна. – Ой, бегите скорей!

– Не отставай, бабушка! – закричал Саша. – Вперёд иди! Я останусь!

Но тут от сильного взмаха головня вырвалась из рук старухи и с шипеньем упала в сугроб. Бабушка Ульяна с криком кинулась за ней, но выхватила из сугроба лишь мокрую тлеющую обугленную палку. В ту же минуту волки, как по команде, загородили тропинку, ведущую к дому. Они сторожили каждое движение людей.

– Теперь стреляй, Сашок, – твёрдо сказал дед Никита и остановился. – Цель в переднего и беги к дому, не оборачивайся!

Саша поднял ружьё. Передний волк остановился и присел для прыжка. Но тут дверь хаты широко открылась и из неё вылетела пылающая головешка.

– Прочь! – крикнул дрожащий детский голос. – Прочь пошли!

Волки с визгом отскочили с тропинки в снег. Дед Никита кинулся вперёд. Бабушка Ульяна и Саша за ним. На бегу Саша приложился и выстрелил, почти не целясь. Страшный визг и рычанье показали, что заряд попал в цель.

– Сашок, Сашок! – отчаянно кричала бабушка Ульяна, уже стоя на пороге. – Беги!

Одним прыжком Саша оказался у двери, втолкнул бабушку Ульяну в избу, обернувшись, захлопнул дверь и, задвинул тяжёлый деревянный засов.

И было пора: что-то тяжёлое ударилось снаружи в дверь, послышались злобное рычание и грызня. Волки, разозлённые исчезновением добычи, которую они уже считали своей, дрались как свора собак.

Дед Никита положил Андрейку на нары и сел около него, опустив голову и тяжело дыша. Бабушка Ульяна обхватила руками Сашину голову и заплакала. Тонкий голосок вторил ей: плакала Маринка. Одни близнецы так разоспались в тепле, что даже шум в хате не смог их разбудить.

Немного успокоившись, старики раздели и осмотрели стонущего Андрейку. Волчьи зубы сдавили ногу сквозь толстый меховой чулок, и она уже начала опухать.

– Ладно, я ещё подросел, – сказал дед Никита, пока бабушка Ульяна прикладывала к ноге мокрую тряпку.

– Спасибо, – тихо ответил Андрейка. – И тебе спасибо, Сашок, что ты меня не покинул.

– Как это не покинул? – переспросил дед Никита, но бабушка Ульяна замахала рукой, чтобы все утихло, и нагнулась, прислушиваясь.

– Это кто там такой? – спросила она.

Под нарами что-то зашевелилось, и опять послышался тихий стон. Бабушка Ульяна опустилась на пол и прилегла, заглядывая под нары.

– Гришака! – удивилась она. – Что ты там делаешь?

– Лежу, – послышался не сразу упрямый голос Гришаки.

– А ну вылезай оттуда! – распорядился дед Никита и, не дождавшись ответа, нагнулся, засунул руку под нары.

Показалась маленькая съёжившаяся фигурка Гришаки. Он лежал на спине, подняв кверху руки с растопыренными пальцами. Бабушка Ульяна всмотрелась и вскрикнула:

– Дитячко ты моё, да что это ты сделал с руками?

– Головешку... – медленно, как всегда, проговорил Гришака, но тут же не удержался и застонал. Обожженные руки его покрывали большие пузыри.

Дед Никита хлопнул себя ладонью по голове:

– А мы и не подумали – кто это нам помощь дал? Головешкой-то! Не будь Гришаки – ни один бы до крыльца не дошёл.

– Хлопчик ты мой, – засуетилась бабушка Ульяна с перевязкой. – Да чего ж ты голыми руками за головешку хватался?

– А чтобы вас волки не съели, – ответил Гришака.

– Чего ж ты под нары запрятался? – допытывалась бабушка Ульяна и, обняв Гришаку за плечи, ласково

заглянула в упрямые глаза.

– Плакать! Чтобы не видали! – сердито отозвался он, но вдруг, не выдержав, уткнулся головой в руки бабушки Ульяны и горько заплакал.

Глава 13

ПИСЬМО ПОМОГЛО

Утром перед избушкой на вытоптанном и залитом кровью снегу остались только обрывки шкуры и чисто доглоданные кости. Волки поужинали убитыми и исчезли так же внезапно, как и появились. Следы показывали, что они долго кружили около сарая и даже забирались на крышу, но дедова постройка выдержала испытание.

– Шкур жалко, – сказал Саша огорчённо. – На память бы сохранить. Ковры можно было бы сделать. – Ему было очень обидно, что так бесславно пропали трофеи его первой охоты.

– Хорошо, что твоя-то цела, – отозвался дед Никита. Они стояли возле дома: Саша с ружьём, дед Никита с топором в руках.

– Бабка, сегодня из дому ребят никуда не пускай, – сказал дед Никита, возвращаясь в хату. – Может, волки ещё за кустами лежат, нас караулят. С них станется. И Шейку привяжите, зря может пропасть собачонка.

– А как же скотину кормить будем? – бабушка Ульяна остановилась около печи с ухватом в руках. – Корову молоко подпирает, доить надо...

– Сашок с тобой пойдёт с ружьём. А Андрейке выхо-

дить ещё не нужно, пускай в хате сегодня посидит. На охрану довольно тебе и Сашка.

Андрейка от обиды Саше даже язык показал и, прихрамывая, подошёл к окну. Саша притворился, что ничего не заметил, но не утерпел и в отместку несколько раз звонко щёлкнул затвором ружья, будто проверяя, хорошо ли ходит.

Андрейка в это время посмотрел в оконце и вдруг, вскрикнув, бросился к двери, распахнул её и побежал по тропинке вниз.

– Папа! – крикнул он отчаянно. – Папа!

– Сашок, куда это он? Тронулся что ль? – И дед Никита приставил козырьком руку к невидящим глазам. – Гляди скорей, Сашок!

Но Саши тоже уже не было. Забыв про ружьё и про волков, он выскочил из избушки: из леса на горку поднимались два человека в белых полушубках и белых шапках-ушанках.

Передний остановился и, подхватив Андрейку на руки, высоко поднял его над головой.

– Сынок! – произнёс он громко и повторил совсем тихо: – Сынок... Сынок...

А Андрейка, прижимаясь к отцу, громко плакал и сквозь слёзы твердил:

– Папа... папа...

Волки были забыты. Все выскочили из хаты кто в чем и окружили их.

– Степан! Степан! Да пусти ж ты Андрейку! Да откуда ж ты явился? – говорил дед Никита, задыхаясь от быстрого бега.

Опустив Андрейку на землю и продолжая держать его одной рукой, Степан другой обнял деда за плечи и прижал его так, что тот охнул.

– Отпусти, костолом, – крикнул он сердито, но все видели, что дед не сердится, а только пыхтит и трёт глаза, будто в них что-то попало. И Степан тоже не испугался, потому что, опустив Андрейку, опять обнял деда Никиту крепче прежнего...

– Знаю, Николай с Федоской говорили. Один он у меня остался, – сказал Степан дрогнувшим голосом. – Сохранил же мне сына, дед! – И тут он так прижал к себе деда Никиту, что тот уже по-настоящему закричал и забарахтался.

– Отстань, полоумный, – отбивался дед. – Это же не я, не я! То его Сашок из лесу на спине приволок, даром

старые рёбра ломаешь!

Саша взглянул в голубые глаза Степана, так похожие на Андрейкины, и растерялся.

– Я только, я только его похоронить хотел, – забормотал он. – И лопату взял. А как же его хоронить, когда он живой?..

Степан не выдержал, рассмеялся. Смеялись и дед Никита, и молодой разведчик, а Саша покраснел и опустил голову.

Наконец Степану стало жалко мальчика.

– Ну, довольно, – скомандовал он шутливо. – Там разберёмся. Марш до хаты, голытьба!

– А мамка моя не пришла? – раздался около них низкий детский голос.

Степан обернулся. Маленькая фигурка в рубашке с забинтованными руками стояла перед ним. Широко раскрытые глаза смотрели с такой тоской, что все замолчали и опустили головы.

Молодой разведчик опередил Степана: нагнулся и осторожно взял за локти маленькие дрожащие руки.

– Ты, Гришака? – серьёзно спросил он. Мальчик кивнул головой, не отводя взгляда от его глаз.

– Мы твоё письмо нашли, – объяснил разведчик. – Вот и пришли. Твоя мамка тоже... – голос его дрогнул, – тоже вот так, может, придёт. Ты... ты, Гришака, надейся, ладно? – добавил он и почувствовал, что руки мальчика перестают сопротивляться, поддаваясь ласке.

– Я-то надеюсь... даже ночью, – тихо ответил Гришака и опустил голову, но, почувствовав, что разведчик осторожно поднимает его на руки, сразу выпрямился и отступил. – Маринку возьми, – сказал он отрывисто. – Она маленькая. А я, я сам большой. – И, повернувшись, зашагал к дому. По тому, как он осторожно приподнимал вытянутые руки, можно было понять, как они мучительно болят.

Бабушка Ульяна плакала, припав к груди Степана, точно всё её спокойствие и мужество сломались от радости неожиданной встречи.

– Стёпа, Стёпушка, вот как довелось свидеться! – повторяла она.

– Не плачь, бабуся, – тихо сказал Степан. – Вы вон сколько птенцов от смерти спасли. Этим утешайтесь. Ещё-то кто есть с вами?

– Наталкин Ванюшка, – отвечала бабушка Ульяна. Она вытерла глаза и выпрямилась: напоминание о детях сразу возвратило ей силы. – Да вот, кого видишь, все мы тут. А ты-то как тут оказался?

– По заданию, бабушка. Потом расскажу. А в Маринку начальник разрешил наведаться. Не терпелось узнать, как вы там. И вот узнал... – Степан опустил голову, замолчал. Между тем молодой разведчик, подхватив на руки близнецов, бегом донёс их до избушки и поставил на нары. Шёпот в углу заставил его обернуться. Гришака опередил его и теперь, нагнувшись к

самому уху Маринки, говорил:

– Дядя Степан пришёл и ещё... По письму пришли. Значит, и мамка по нему придёт. Поняла?

– Поняла, – также тихо ответила Маринка и взглянула на брата сияющими глазами.

Глава 14

«МЫ СКОРО ВЕРНЁМСЯ»

Малыши давно уже заснули на нарах, заснул и измученный болью Гришака, а Саша и Андрейка, притащив два чурбака, сели рядом и, чуть дыша, слушали рассказ Степана.

Оказывается, в лесу жили партизаны. Они взрывали мосты и рельсы, нападали на немецкие обозы. А теперь из Москвы им пришлют самолёты с оружием и лекарствами, а раненых бойцов увезут в тыл.

– Нужно только ровное место, где самолёт может приземлиться, – договорил Степан и, свернув козью ножку, оглянулся: где бы прикурить?

Саша и Андрейка так и рванулись к коптилке, стоявшей на печке.

– Я!

– Нет я! – заговорили оба, одновременно хватаясь за черепок с фитилём в медвежьем жире. Но тут же вскрикнули от огорчения: огонёк заколебался, пустил тонкую струйку дыма и погас...

В темноте раздался весёлый смех, какое-то чирканье, и огонёк зажигалки осветил Сашу и Андрейку, в полной растерянности продолжавших держаться за края черепка.

– А ну, давайте сюда вашу стосвечовую, – смеялся разведчик, – или примёрзли к краям?

Огонёк в черепке снова засветился.

– Вот я и думаю, что на Лебязьем озере лучше всего, – продолжал Степан, когда все успокоились. – Ровно, и озеро большое, и место глухое. Таких мест немцы боятся, а партизанам они – родной дом. В разведку я сам вызвался идти: места родные, знакомые и... – тут Степан ласково потрепал Андрейкины светлые волосы, – об нём душа болела. Слышали мы, пропала Малинка, а всё думалось, хоть посмотреть, где мой хлопчик лежит...

– Я и лежал, – отозвался Андрейка. – Я и лежал. И даже не слышал, как меня Сашок тащил. Только помню, как они конфеты на траву покидали и нам велели поднимать. И я – тоже...

Степан сжал руки так, что пальцы громко хрустнули, и встал, головой почти упираясь в потолок.

– Спать пора, – отрывисто сказал он. – Нет, бабуся, мы не на нарах, а на полу, там свободнее.

Андрейка уже крепко спал и во сне продолжал держать руку отца, а Саша лежал рядом с ним и смотрел в темноту, пока золотые искры не запрыгали у него перед глазами, и думал.

Там, где-то за лесами, может быть, и мама тоже узнала про Малинку, и тоже думает, где её мальчик лежит. И тоже плачет, как бабушка Ульяна. А может быть,

и сама тоже...

Перевернувшись, Саша уткнулся лицом в медвежью шкуру и крепко зажал руками рот.

Дрова в печке потрескивали так уютно, по-домашнему, и так аппетитно пахло в хате горячими лепёшками, что Степан, проснувшись, долго протирал глаза и вздыхал. Ему не верилось, что вот два шага до двери, а за ней холод, темнота и дальше чёрные трубы Малинки на белом снегу...

Он быстро овладел собой и тихонько толкнул спавшего товарища. А ещё через несколько минут лепёшки и горшок с кислым молоком стояли на столе, и бабушка Ульяна наливала в чашку горячую заячью похлёбку.

– Кушайте, кушайте, – ласково приговаривала она. – Мои хлопчики зайцев не ленятся таскать. Мешки ваши где? Я вам ещё лепёшек и зайчатины положу.

Разведчик пристально посмотрел на бабушку Ульяну.

– Цены вы себе не знаете, – неожиданно тепло сказал он, встал, подошёл к бабушке и крепко её поцеловал. – Мать у меня есть, на вас, бабушка, похожа, – точно извиняясь, добавил он. – Как бы ей тяжело на было, а около неё всегда люди греются.

Бабушка Ульяна ласково посмотрела на него.

– На то мы, старые люди, и на свете живём, чтобы молодым около нас тепло было, – просто ответила она.

Андрейка сидел возле отца, крепко держа его за ру-

ку. Он провожал глазами каждый кусок, который Степан брал с тарелки, и каждый раз только вздыхал.

– Тебе уж не жалко ли, что отец лепёшки ест? – весело спросил его разведчик.

– Жалко, – грустно отвечал Андрейка.

– Что?.. – Степан отодвинул тарелку с зайчиной.

– Жалко, – так же грустно повторил Андрейка. – Потому что всё съешь и уйдёшь. Ты бы всё ел, ел, а я бы на тебя всё смотрел...

– Бабка, клади Степану целого зайца, – распорядился дед Никита. – Пускай на него Андрейка ещё полюбуется.

Но разведчики уже надевали топырившиеся сумки.

– Ну, не реветь, – строго сказал Степан, но ему и самому, Андрейка видел, было нелегко. – На днях опять тут будем и подарков принесём всем вам... – Обернувшись, он слегка подтолкнул Сашу и добавил: – А тебе, Сашок, за сына особый подарок будет. Соответствующий.

Саша не успел спросить, что это означает, как дверь открылась, и разведчики, наклонясь, чтобы не удариться о притолоку, шагнули через высокий порог и исчезли в темноте.

Андрейка по строгому приказу отца не посмел бежать за ним и только, прильнув к неплотно притворённой двери, долго смотрел в щёлочку, хотя там ничего не было видно.

– Хату выстудишь, – заворчал дед Никита. – Дверь закрой! Но и он поглядывал на дверь и тяжело вздыхал. – Точно окошко в свет открылось и опять закрылось, – проговорил он угрюмо и опустился на лавку.

А Саша, сидя на нарах, думал: что это за особый подарок обещал ему дядя Степан.

Глава 15

КОГДА ЖЕ?

Андрейка даже похудел за эту неделю, а Гришаку нельзя было оторвать от окна. Он дышал на тусклое замёрзшее стекло, пока на нём не появлялось светлое пятнышко, и сидел, припав к нему глазом.

– Гляди, нос к стеклу приморозишь! – ворчал дед Никита. Он старался делать вид, что ничего особенного не произошло, и часами очищал от коры тонкие ивовые прутьики. Но корзинку из них сплёл такую кособокую, что было ясно: и дедовы мысли далеко-далеко.

Бабушке Ульяне задумываться было некогда. Малыши и хозяйство требовали много заботы, что порой не хватало дня. Но наступал вечер, угомонившаяся девица засыпала, я тогда под тихое жужжание веретёна думы не давали покоя и бабушке.

– До чего только люди додумались! – вздыхала она. – Андрейка, а ну, как отец говорил-то?

– Через неделю ждите! – без запинки отвечал мальчик, так крепко затвердивший эту фразу. И уже от себя спрашивал: – Бабушка, а ведь они могут и раньше прийти, а?..

– Могут, – соглашалась бабушка Ульяна, подхватывая на нитке поющее веретено. – Если человек до неба

добрался, то он уж всё может.

Страшное нетерпение, в котором дети жили изо дня в день, заслонило от них все другие интересы.

– Раньше спать ложитесь, полуношники, – ворчал дед Никита. – Сном время скорей пройдёт. – Но сам до позднего вечера перебирал связки лык или разминал заячьи шкурки, то и дело нагибаясь к замёрзшему оконцу: слух у деда был преострый и во многом заменял ему глаза.

– Я вот загадаю, чтобы во сне тятю увидеть, – сказал Андрейка, укладываясь на нары. – А ты кого?

– И я, – живо ответил Саша. – Маму! – добавил он и смутился, он не хотел напоминать Андрейке о его горе.

Саша открыл глаза и приподнялся на нарах: ещё темно, а бабушка Ульяна почему-то особенно суетится около печки с горящей лучиной в руке и что-то приготавливает.

– Мальчик мой родной! – услышал он.

Мама! Мама! Как живая, только в белом полушубке и шапке, наклонилась над ним, плачет и смеётся. Но Саша, нырнув под заячье одеяло, закутался в него головой.

– Саша, Саша, да что же это! – услышал он встревоженный милый голос и закутался ещё больше.

– Пустите! – крикнул он, отбиваясь сквозь одеяло. – Я спать хочу! Я маму хочу видеть!

– Что же, тебе сквозь одеяло разве лучше видно? –

услышал он чужой весёлый голос.

Одеяло полетело на пол, и Саша стремительно вскочил и кинулся к матери на шею.

– Я думал – ты во сне! – кричал он со слезами. – Я думал – ты во сне! И не хотел просыпаться!

Бабушка Ульяна долго не могла зажечь огоньком лучины фитилёк коптилки, так дрожали её руки. Дед Никита топтался рядом и, доставая из кармана свой верный кочедык, смотрел на него с удивлением, то прятал его обратно.

– Значит, так, – бормотал он, – значит, того... Да где ж это я его? Значит, так, дело-то какое!

А Саша плакал и плакал и не мог остановиться. Он прижимался к матери изо всех сил, точно боялся, что вот оторвётся, и она исчезнет.

Все были так взволнованы, что не заметили, как в дверь вошёл невысокий человек, тоже в полушубке и белой шапке, из-под которой выглядывали седые волосы. Он стоял и взволнованно смотрел на встречу матери с сыном. Потом внимательно оглядел всю избушку и спящих на нарах малышей.

– Детский сад! – весело заговорил он и, повернувшись к деду Никите, схватил его руку и крепко пожал её.

– Молодцы вы, болотные робинзоны, – сказал он и сам засмеялся удачно найденному слову. – Подумать только: какую кучу малышей уберегли!

Рука у него была маленькая, но от её пожатия дед Никита охнул и помахал онемевшими пальцами.

– Коли ты так и немцев жмёшь, старый... – проворчал он. – И ничего я тех ребят не спасал, то всё Сашок, что зараз ревёт, как блажной. Он это про Андриюшкин остров удумал. А ребят бабка Ульяна полный подол насобираала.

– Сашок? – переспросил старик. – А ну, постой, надо очки надеть да на него посмотреть. Эх, Верушка, ну какой из меня, старого филина, партизан? Без очков немца от берёзы не отличу!

Бабушка Ульяна наконец справилась с фитильком и, поставив коптилку на полочку около печи, подошла к дочери.

– Дай-ка и я, Веруша, на тебя посмотрю, – проговорила она взволнованно. – Сколько лет я тебя не видела. И вот где довелось свидеться!

Вера Николаевна отстранила Сашу и, обеими руками обняв бабушку Ульяну, крепко целовала её залитое слезами лицо.

– Мама, милая, спасибо, – сказала она.

Старик, довольный, кивнул головой:

– Хорошо, Вера Николаевна. Очень хорошо. Все видели, всё знаем. А теперь извольте собираться. Впереди неблизкий путь.

– Куда собираться? – крикнул Саша и, побледнев, схватил мать за руку. – Мама, ты опять уходишь? Я с

тобой!

– Все вы с нами, – ответила Вера Николаевна, обнимая его, и, повернувшись к старикам, сказала: – Самолёт прилетит сегодня и заберёт вас всех.

– Я не хочу! – крикнул Саша. – Я с тобой!

– А я и сама с вами, – ответила Вера Николаевна, и голос её дрогнул. – Видишь? Левая рука почти не сгибается, я уже на фронте не гожусь. Буду работать в тыловом госпитале.

Саша осторожно взял руку матери.

– Совсем не сгибается? – спросил он. – И никогда не будет?

– Будет, – успокоила его Вера Николаевна. – Но нужно время и лечение. Вот Сергей Ильич, наш командир, меня и отправляет. – И она головой показала на старика, который в углу о чём-то оживлённо говорил с дедом Никитой.

– Чей командир? – спросил Саша.

– Нашего отряда. Партизанского. В тылу у немцев. Раненых мы на самолёте отправляем в госпиталь. А я вот в этот отряд попросилась, чтобы... – Вера Николаевна опять крепко обняла Сашу и шепнула ему на ухо: – искать моего мальчика.

– Да, и сегодня пришла сюда больная, сладу с твоей матерью нет! – откликнулся из угла Сергей Ильич, который, казалось Саше, мог всё сразу видеть и слышать. – Сегодня же вечером самолёт заберёт вас всех

и её вместе с вами. А я вот тоже не утерпел посмотреть на ваше житьё, очень уж интересно.

Саша с матерью не заметили, что в хату вошёл Степан и с ним ещё несколько бойцов. Андрейка кинулся целовать отца. Маринка, босая, в одной рубашонке, забралась на скамейку и тихо сидела у стола, подпирая рукой румяную от сна щёчку, точь-в-точь как бабушка Ульяна в минуты отдыха. Сама бабушка Ульяна, отойдя в угол, что-то ласково шептала на ухо Гришаке. Тот стоял молча, потупившись, и упрямо качал головой.

– Куда ещё она за самолётом погонится? – расслышал Саша. – Не поеду и всё! – Голубые глаза мальчика казались тёмными, так глубоко они ушли под нахмуренные брови.

– Это Гришака? – тихо спросил Сергей Ильич деда Никиту и, подойдя к бабушке Ульяне, сказал: – Бабушка, на сборы вам два часа, до рассвета. Кто не умеет ходить на лыжах, повезём на санках. Нет их? Сейчас смастерим.

Лицо бабушки Ульяны побледнело.

– Скотина у нас, – проговорила она растерянно. – На погибель останется?

– В вашей хате мы устроим здравпункт, – объяснил Сергей Ильич. – Раненые будут лежать. Место удобное, немцы сюда не доберутся. Корова и коза нам пригодятся, раненых молоком поить будем. Что? Бык ещё? Ну, быка на мясо можно.

Гришака поднял голову.

– Мишку резать? Не дам! – Вся его маленькая фигурка оцетинилась. Он сжал кулаки и с вызовом шагнул вперёд.

Около глаз Сергея Ильича собрались весёлые морщинки. Протянув руку, он взял было Гришаку за плечо, но тот вырвался и попятился.

– Мишка медведя забодал! Медведь Сашка заломать хотел и вон тех! – Гришака пренебрежительно мотнул головой в сторону нар, на которых близнецы, проснувшись от шума, удивлённо таращили глаза на гостей. – Вот он какой, Мишка! И меня слушает, как... как человек. Не дам! – договорил он и даже притопнул босой ногой.

Сергей Ильич повернулся к Вере Николаевне.

– Мы с вами ещё половины здешних чудес не знаем, – сказал он. – Ну, малыш, покажи мне своего Мишку. Подумаем, что с ним делать.

Гришака, морщась от боли в руках, натянул заячьи чулки и лапти, надел полушубок и быстро подошёл к двери.

– Пойдём!

Сергей Ильич махнул рукой деду Никите и открыл дверь.

– С Гришакой будет заботы, – задумчиво проговорила бабушка Ульяна, – мать всё ждёт, – пояснила она Вере Николаевне и, показав глазами на Марин-

ку, замолчала. – Верушка, помогай собираться, родная моя. – А сама взялась за подойник. – В последний раз деток тут молоком напою.

В эту минуту дверь отворилась и Сергей Ильич проворно переступил через порог.

– А ведь Гришака-то прав, – весело заговорил он. – Такого быка резать руки не поднимутся. – И, повернувшись к Гришаке, серьёзно сказал: – Не бойся, твоего Мишку сохраним для вашего же колхоза, а тебе, видно, быть животноводом. При такой любви к животным из тебя толк будет.

Глава 16

ПРОЩАЙ, АНДРЮШКИН ОСТРОВ

Сборы были недолги. Всего больше, как и предполагали, пришлось повозиться с Гришакой: но он сдался, когда ему объяснили, что в их избушке будет партизанская больница, и матери скажут, где искать его и Маринку.

Мальчики натащили в хлев столько сена, что Мишке, Рыжухе и Маньке было трудно повернуться, хотя Сергей Ильич обещал, что их избушку займут под больницу не позже чем через два дня. В последнюю минуту опять всех напугал Гришака: пропал неожиданно. Наконец догадались заглянуть в хлев. Мишка стоял, наклонив лобастую голову, а Гришака, обняв его за шею, что-то шептал ему на ухо.

Вера Николаевна тихо тронула Гришаку за плечо.

– О чём ты шепчешь Мишке? – ласково спросила она.

Гришака опустил руки и исподлобья посмотрел на неё.

– Простился, – отрывисто вымолвил он и, не оглядываясь, вышел из сарая.

На полянке перед домом партизаны увязывали лёгкие санки с провизией и гнёздышком для близнецов.

Бабушка Ульяна вышла из дома последняя. Повернувшись к избушке лицом, она низко поклонилась и старательно спрятала на груди какой-то узелок.

– Что это, бабушка? – спросил Саша.

– Угольки от нашей печки. Она нас кормила и грела. Угольки положу в новую печку, которая нас греть будет. – И, обращаясь к детям, бабушка Ульяна сказала: – Поклонитесь же старой хате и вы, детки, она вас честно берегла.

Саша, глубоко взволнованный, снял шапку и наклонил голову. Поклонился хате и дед Никита. Андрейка тоже поддался общему настроению, но вдруг потянул Сашу за рукав и, удерживая смех, шепнул:

– Сашок, глянь, глянь скорее!

Близнецы, закутанные до самых глаз, усердно кланялись избушке и, не разгибаясь, косились друг на друга, сравнивая, кто ниже кланяется. Общий громкий смех разрядил напряжённое настроение. Улыбнулась и бабушка Ульяна и украдкой вытерла покрасневшие глаза. Степан и молодой разведчик подхватили близнецов на руки. Шейка, соскучившаяся на привязи в хате, громким лаем возвестила о начале путешествия.

Бабушку Ульяну долго уговаривали, пока она согласилась сесть в санки: на лыжах ходить она не умела.

– Вы лучше меня покиньте, – в смущении просила она. – Я уж сама как-нибудь доберусь, а то ещё не было вам заботы меня тянуть.

Пришлось вмешаться Сергею Ильичу.

– Бабушка, – сказал он строго, – сейчас не время для разговоров. Что приказано – закон!

Близнецы, завёрнутые в заячьи одеяла, запищали было – им тоже хотелось идти, но быстро успокоились. Гришака шагал молча, опустив голову, точно не видя ничего вокруг. Маринка вела себя странно: на ходу то нагибалась вперёд, то откидывалась назад, тихонько охала и наконец, вскрикнув, заплакала.

– Ты чего? – спросила встревоженная бабушка Ульяна.

– Ой, живот!.. Живот мне съела!

– Мя-у! – глухо послышалось у неё под шубкой. – Мя-ау-у.

Чёрная лапа с растопыренными когтями высунулась между пуговицами шубки и замахала по воздуху. За ней показалась чёрная кошачья голова с открытым ртом: видно было, что и кошке порядочно досталось под тесной, наглухо застёгнутой шубкой.

– Кошка! – воскликнула бабушка Ульяна. – Да на что ты её взяла? Она бы у раненых жила и жила!

– Коска! – в восторге запищали близнецы.

– Жа-а-лко, – всхлипывая, ответила Маринка, тщетно пытаясь запихнуть кошачью голову обратно под шубу. – А она лягается, а когти острые, больно!

Гришака молча повернулся, оттолкнул Маринкину руку, вытащил кошку и, морщась от боли, засунул её

себе за пазуху.

– Не реви, – сказал он сурово, – ишь затискала со-
всем, у тебя там и лягушке тесно.

Шли не по вчерашней дороге – от Малинки, а пря-
миком, по кратчайшей дороге к озеру. Бойцы тащили
санки по очереди, до озера надеялись дойти ещё в су-
мерках.

– Раньше и не надо, – говорил Сергей Ильич. – Мы,
пока светло, сами стараемся сидеть как мыши. Ночь –
это наш дом. Сегодня же ночью тебя, Верушка, прямо
в воздух со всем выводком пустим и утром уже будете
далеко в тылу, в нашем госпитале. А там разберёшь,
кого – куда.

– Всех оставлю себе, – просто сказала Вера Николае-
вна. – Разве их можно разъединить после всего, что
они вместе, пережили? И бабушка, я уж знаю, никого
от себя не отпустит. Все мои будут.

– На будущей неделе я и сам слетаю в Москву, день-
ка на три, на совещание командиров партизанских от-
рядов.

Сергей Ильич сказал это так просто, точно речь: шла
о чём-то совсем не трудном, обычном, Вера Николае-
вна поймала восхищённый взгляд Саши и улыбнулась.

– Ему шестьдесят три года, – шёпотом сказала она. –
Я у него в отряде полгода и ни разу не видела, чтобы
он показал, что устал или ему трудно. Ушёл из города
от немцев с двумя товарищами по службе. А теперь

у него большой отряд, и Москва с ним советуется об операциях в немецком тылу.

Идти стало труднее. Частые мелкие сосенки мешали лыжам и задерживали санки. Маринка иногда вздыхала, но, покосившись на брата, строго сжимала губы и мужественно шагала вперёд. Сергей Ильич ласково на неё поглядывал.

– Молодец, молодец, девочка! – говорил он. И Маринка радостно вспыхивала и ещё старательнее скользила по свежему пушистому снегу, налипавшему на лыжи.

Короткий зимний день незаметно перешёл в сумерки. Степан уже несколько раз тревожно оборачивался и, наконец, остановившись, дождался Сергея Ильича.

– Опаздываем, товарищ командир, – тихо сказал он. – Не заблудиться бы. Очень уж тут для ночи примет мало.

Сергей Ильич не успел ничего ответить, как дед Никита остановился около них.

– Я, товарищ командир, по любому дереву здесь всё узнал бы, да глаза мои дальше куриного носа не видят!

Сергей Ильич внимательно посмотрел на него и опустил руку в карман.

– А вблизи видишь? – спросил он. – Вроде меня, значит. Ну-ка, надень вот это, дед, да посмотри, не увидишь ли примет?

Дед Никита поднёс к глазам большие очки, такие же,

как красовались на носу у Сергея Ильича.

– В жизни не пробовал, – проговорил он неуверенно. – А ну, как оно бывает...

Надев очки, дед некоторое время стоял, не шевелясь, странно вытянув шею и поворачивал голову, точно воротник сделался ему тесен.

– Вижу! – закричал он вдруг таким отчаянным голосом, что Маринка вскрикнула и бросилась к нему. – Вижу! Товарищ командир! Глаза мои! – и повалился на колени.

Проворно наклонившись, Сергей Ильич схватил его за плечи.

– Тише, дед, – сказал он, строго, – ребятишек напугаешь. Вставай, говорю. Ну хорошо, что подошли. Теперь веди, не то плохо нам будет.

Но дед Никита уже поднялся и снова стоял на лыжах. Его трудно было узнать: спина распрямилась, он будто помолодел.

– Вправо ударились, – сказал он, наконец, осмотревшись. – Сюда заворачивай! Постой, я вперёд пройду. И, став во главе колонны, он решительно повернул налево. – Через час на Лебязьем будем, – уверенно проговорил он.

Все точно подтянулись, подбодрились и двинулись быстрее.

Зоркие глаза Степана заметили, что Маринка уже несколько раз споткнулась, но мужественно, не жалуясь, шагала дальше. Поравнявшись с ней, он молча поднял её на воздух и снял с ног маленькие лыжи.

– Держи, Гришака, – сказал он. – А ты, щегол, садись

мне на плечи, да держись крепче, поедешь верхом.

Маринка вздохнула, хотела что-то сказать, но тут же опустила голову и затихла.

Гришака шёл, плотно сжав губы и сдвинув брови.

– Из тебя настоящий лыжник выйдет, мальчуган, – ласково сказал Сергей Ильич, но Гришака ничего не ответил. Одной рукой он придерживал затихшую под полушубком кошку, другой опирался на палку, далеко закидывая её вперёд. Лыжи Маринки он положил на санки.

Последние деревья расступились уже в темноте, впереди забелело широкое ровное пространство – озеро, покрытое снегом.

Дед Никита повернулся и каким-то новым, строгим голосом проговорил:

– Так что дошли, товарищ командир. Лебязье это озеро.

– К самым нашим землянкам вывел, ну и молодец, дед, – отозвался Сергей Ильич и, подойдя ближе, протянул ему руку.

– А народ ваш где? – удивился дед.

Сергей Ильич тихо рассмеялся:

– А ты думал – часовые «кто идёт» кричать будут? Тут они. Тут. И нас уже увидели. Сейчас птенцов ваших в землянку снесут, отогреть и накормить. Пойдём и мы туда: перед полётом заправишься.

Землянку под старой елью и днём рассмотреть бы-

ло нелегко: так заботливо прикрыла её метель толстым снежным одеялом. Сергей Ильич вошёл в низкую дверь, немного нагнувшись, дед Никита протиснулся с трудом, выпрямился и осмотрелся. Партизаны, переговариваясь с детьми, осторожно укладывали их на широкие нары. Многие, глядя на маленькие фигурки в смешных самодельных заячьих шубках, вздыхали, отворачивались я проводили ладонью по глазам. Свои дети и внуки, такие же маленькие в беспомощные, вспомнились им.

Дед Никита постоял и кашлянул, раз, другой...

– Товарищ командир, – дед медленно снял шапку, осторожно поправил за ушами крючки очков, точно не решаясь отнять от них руки. – Товарищ командир, – повторил он, – хочу я вас спросить: вы мне эти очки как дали? – голос деда Никиты был таким взволнованным, что все с удивлением обернулись к нему.

– Совсем дал, дедушка, – улыбнулся Сергей Ильич. – Носи на здоровье. А теперь собирайся в са молёт.

Но дед Никита не спешил.

– Я вам так объясню, товарищ командир, – сказал он уже твёрдо. – Я теперь опять как молодой, каждую тропку в лесу вижу. Теперь не то что лапти плести, а вас куда хочешь приведу и выведу. И потому я теперь у вас тут и останусь, как мне дело нашлось. – Дед помолчал и уже весело добавил: – А если надо, то опять

же и лапти сплести могу! – И, вынув из кармана кочедык, он взмахнул им и снова спрятал в карман.

Сергей Ильич минуту молчал, испытующе глядя снизу вверх на деда. Затем кивнул головой и серьёзно сказал:

– Спасибо, дед, оставайся. – Обернувшись к бойцам, приказал: – Детей и бабушку накормить и вести к самолёту, чтобы через полчаса всё было готово. Детям с собой горячего чая в термосах. Живо!

Бабушка Ульяна, сидевшая на нарах в уголке около детей, встала и подошла к деду Никите.

– Хорошо ты сказал, дед, – вымолвила она, и всё её морщинистое лицо осветилось лаской. – Доброе твоё дело. А мне, видно, и дальше судьба моих пташек греть. Прощай, дед, может, ещё свидимся!

– Прощай, Ульяна, – проговорил дед Никита. Он стоял, держа шапку в руке и то взглядывал на бабушку Ульяну, то со вздохом отворачивался. Не привык он говорить ласковые слова, но сейчас ему трудно было проститься с бабушкой Ульяной, не сказав ей этого ласкового слова. Он переступал с ноги на ногу, попытался засунуть шапку в карман, надел и опять снял её, а бабушка Ульяна, маленькая, закутанная в кусок мешковины вместо платка, всё смотрела на него.

Партизаны стояли вокруг стариков не шевелясь.

– Всех, всех с собой, бабка, вместе... – промолвил наконец дед Никита хриплым, каким-то не своим голо-

сом и замолчал.

Бабушка Ульяна подошла ближе и подняла руки.

– Поцелуемся, дед. А может, и свидимся, – сказала она просто и, обняв седую голову деда, поцеловала его морщинистую щеку. – А теперь помогите, детки, моих птенчиков донести, – обратилась она к партизанам и, отвернувшись, вытерла глаза.

Андрейка, не выпуская руки отца, прижался лицом к его полушубку. Степан наклонился, обнял его за плечи.

– Ну, сын, не надолго расстаёмся, раз я тебя нашёл и другой раз найду. Сашок, бери его за руку.

– Найдёшь... – только успел произнести Андрейка. Степан в последний раз крепко обнял сына, отступил, и темнота закрыла его.

– Идём, Андрейка, – тихо сказал Саша.

На белом снегу озера и в темноте смутно виднелось что-то большое. Самолёт. Около него двигались люди, разговаривая почти шёпотом, приносили и уносили какие-то предметы.

Саша крепко держал руку Андрейки, другой рукой прижимал к груди дрожащую, до смерти перепуганную Шейку.

– Сюда, сюда, – слышался голос Сергея Ильича. – Детей кладите всех рядом, тут подстилка есть, они и не проснутся в пути. Ну, Верушка, ты тут? В добрый час. Бабушка, прощай, скоро увидимся!

Тихий свист прервал его слова.

– Скорей! Скорей! – торопливо прокричали откуда-то из темноты.

– Кончайте!

Шум моторов заглушил остальные слова. Самолёт, вздрогнул и покатился по дорожке. Ещё минута – и он плавно поднялся в воздух. Андрюшкин остров остался далеко позади...

* * *

Повесть о болотных робинзонах окончена. Мать Саши стала настоящей матерью упрямого Гришаки и всех малышей Андрюшкиного острова. Бабушка Ульяна всё такая же ласковая и заботливая. И хотя волосы её остались белыми, но морщины на лице заметно разгладились. Так всей большой семьёй и живут они в Малинке, заново отстроенной после войны. Вернулись в Малинку и все жители, которым удалось бежать при нападении немецкого десанта.

Саша и Федоска учатся в одной школе. Они упорно борются за первое место в классе и иногда делят его пополам. Андрейка поленивается, но тоже не очень отстаёт от них.

Дед Никита повоевал со славой: на груди его светятся две медали, которые он старательно чистит мягкой тряпочкой до жаркого блеска. С Сергеем Ильичем

у них трогательная дружба, и они часто вечерами беседуют, сидя на завалинке. А плетень вокруг дома Сергея Ильича выплетен руками деда Никиты так плотно и красиво, что хоть на стенку его вешай вместо ковра. Так говорит Сергей Ильич, а дед Никита довольно улыбается.

Сергей Ильич сдержал своё слово: во главе колхозного стада новой Малинки важно выступает огромный чёрный бык, и Гришака всегда забегает перед школой на скотный двор – отнести своему любимцу пару картошек или вкусную корочку.

Андрюшкина топь осушена и теперь на Андрюшкин остров Саша и Андрейка водят своих новых товарищей. Они осматривают избушку, с уважением ощупывают толстые брёвна и, затаив дыхание, не устают слушать об их приключениях на острове.

Нашествие фашистов навсегда останется в памяти тех, кто пережил его. Не забудут его и дети Малинки. Но они твёрдо знают: второй раз фашисты в Малинку не придут.

– Я буду танкистом. Пусть-ка попробуют сунуться! – говорит Гришака.

Павлик и Наталка слушают его и кивают друг другу головами.

– Пускай сунутся! – повторяет Павлик.

– Пускай! – подтверждает Наталка. – Правда, бабушка?

– Правда, правда, – говорит бабушка Ульяна и смеётся.